

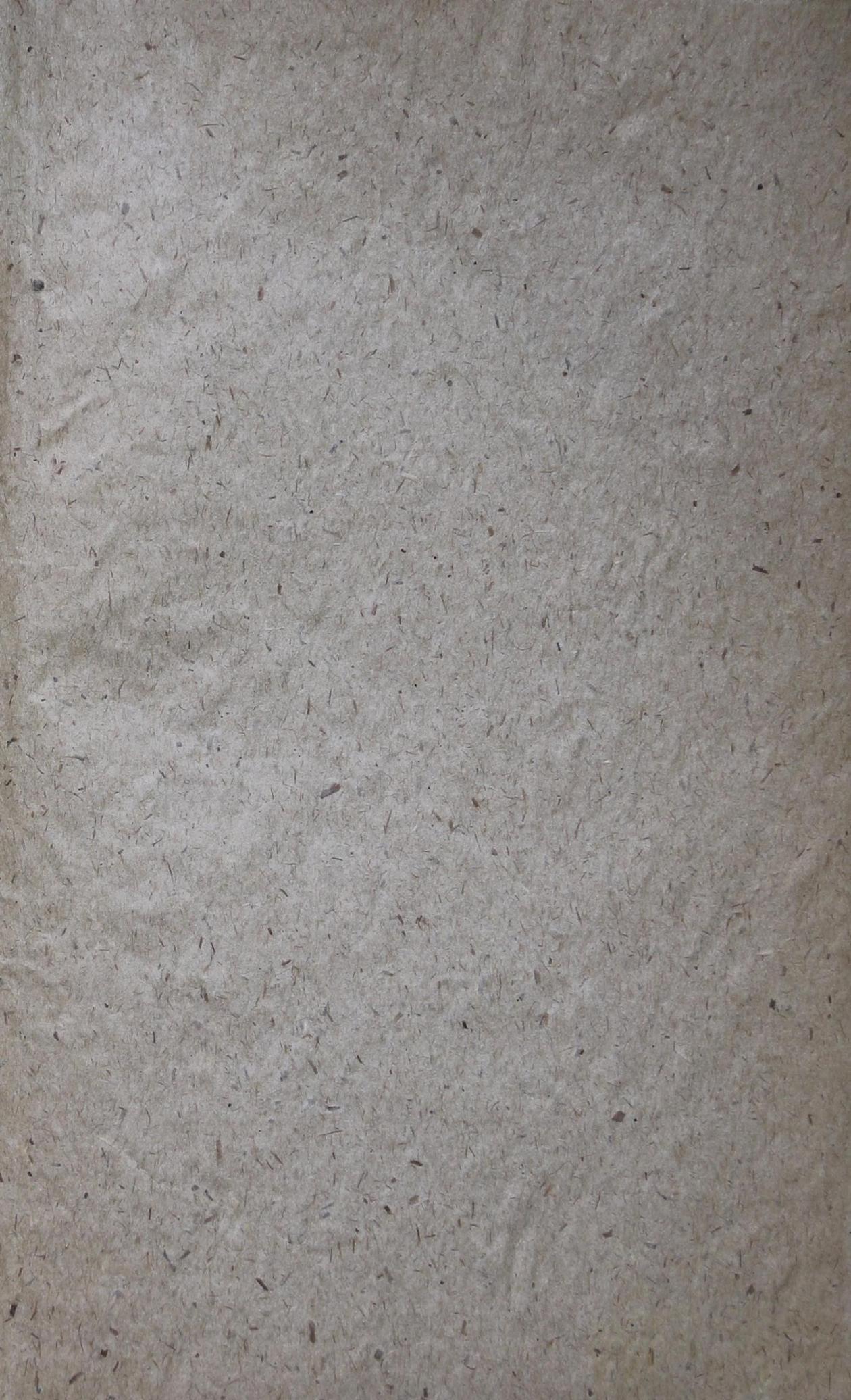
68.4

И-33

Известия об-ва
археологов, историков
и этнографов при
Казанск. ун-верситете

Т. XI Вып. 5

1893 г.

том 8218
63.4
и-33
8218
В. Гусева

№ 2999-15
2026
и 33

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XI, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Клады и кладисканіе на Руси. В. Н. Витевскаго 411—425.	Корреспонденція. Архивный вопросъ въ Красноярскѣ. Н. Бака я.—
Мордва—историко-этнограф. очеркъ (продолженіе) И. Н. Смирнова 426—477.	Письма изъ Гельсингфорса. П. Г. Вихмана 489—490.
Хроника. Экскурсія на мѣсто древняго Суvara. Г. Ахмарова 478—481.	Библиографія. Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорской Археологической Комиссіей. № 11. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. Н. Н. Ястребова. Спб. 1893 г. И. Н. Смирнова 491—494.
Матеріалы. Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области. — Апокрифическая кладовая выпись, сообщ. В. Г. Мещериновымъ. — Изъ быта Мордвы села Живайкина Жадовской волости, Карсунскаго у. Симбирской губ. Ф. Бузуова 482—488.	Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго 53—84.

8218-1438

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

КЛАДЫ

И

КЛАДОИСКАНИЕ НА РУСИ.

бра простаго народа въ клады пачалась съ незапамятныхъ языческихъ временъ, и первоначально сложилась подъ вліяніемъ его миѳическаго міровоззрѣнія. Во многихъ русскихъ былинахъ и сказкахъ говорится о несмѣтныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ лѣсахъ, горахъ и оврагахъ, охраняемыхъ злымъ существомъ въ образѣ Кощея, Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича. Съ принятіемъ христіанства, вѣра въ клады не уничтожилась, измѣнился только взглядъ на нихъ: вмѣсто злаго миѳическаго существа, хранителемъ клада, скрытаго въ землѣ, является бѣсъ и соблазняетъ даровымъ богатствомъ неопытныхъ и корыстолюбивыхъ людей, на погибель души христіанской, требуя отъ нихъ живой головы или другой дани. По языческому взгляду кладъ можно добыть только посредствомъ физической силы, по христіанскому воззрѣнію вовсе не слѣдуетъ и хлопотать о богатствѣ, приобрѣтаемомъ не трудомъ: чрезъ даровое богатство діаволь старается сдѣлать человѣка несчастнымъ. Авторъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ замѣчаетъ по этому поводу: „Аще бо или серебро, или злато сокровено будетъ подъ землею, то мнози видять огнь горящъ на томъ мѣстѣ, то діаволу показующу сребролюбивыхъ ради“¹⁾.

¹⁾ По изд. И. И. Срезневскаго, стр. 23.

Сами крестьяне, рассказывая о кладахъ, обыкновенно прибавляютъ: „отъ нечистаго онъ“.

Заглядывая въ сѣдую старину, мы видимъ, что даже князья, цари, духовенство и лица высокопоставленныя занимались отысканіемъ кладовъ, „по наущенію діавола“. Въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ ¹⁾ въ Москвѣ, между прочимъ, говорится, какъ бѣсъ, желая нанести неприятность благочестивому Авраамію Ростовскому, преобразился въ воина и, явившись къ великому князю Владимірскому, доложилъ ему, что будто Авраамій „налезе въ земли сосудъ мѣдянь, въ немъ же множество сосудовъ золотыхъ и поясовъ золотыхъ“, и что на это сокровище, которому „не мощно и цѣны уставити“, Авраамій и монастырь устроилъ. Князь, повѣрившій бѣсовской выдумкѣ, приказалъ схватить подвижника и привести къ нему; воля князя была исполнена, но у Авраамія оказалась одна власяница. Въ Печерскомъ Патерикѣ помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ великій князь Мстиславъ мучилъ двухъ монаховъ, пытая, куда они спрятали кладъ, будто бы найденный ими въ одной пещерѣ. Лѣтописецъ половины XVI вѣка записалъ весьма любопытный рассказъ о томъ, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный открылъ кладъ въ новгородской Софійской церкви ²⁾. Царевна Екатерина Алексѣевна, сестра Петра Великаго, отличалась особенной любовью къ кладоискательству: она вела переговоры съ однимъ костромскимъ іереемъ, который хвалился, что онъ можетъ опредѣлять мѣстонахожденіе кладовъ по планетнымъ тетрадамъ; она же послала приближенныхъ къ себѣ женщинъ въ полночь рыть могилы на кладбищѣ и нанимала подводы, чтобы съѣздить за 230 верстъ отъ Москвы для разрытія клада на дворѣ одного крестьянина. Лица, указывавшія царевнѣ на мѣста зарытія кла-

¹⁾ № 156, л. 43 на оборотѣ.

²⁾ «Ист. Госуд. Росс.» Н. М. Карамзина, т. VII, прим. 383, и т. VIII, пр. 153.

довъ, оказались, по розыску Петра, обманщиками ¹⁾. Въ 1752 году священникъ села Помаева (Буинскаго уѣзда Симб. губ.) Кирилль Михайловъ рѣшился, въ чтобы-то-ни стало, добыть кладъ, зарытый въ оврагѣ между селомъ Помаевымъ и деревней Атяшкиной. Вооружившись крестомъ и евангелиемъ отъ бѣсовскаго навожденія, отецъ Кирилль, отличавшійся необыкновенной смѣлостью, отправился на мѣсто клада и принялся отрывать его, но страшныя привидѣнія до того перепугали его, что онъ бѣжалъ со страху, оставивъ на мѣстѣ крестъ и евангеліе ²⁾. Въ селѣ Елшанкѣ (Сенгилеевскаго уѣзда Симб. губ.) дьячекъ сталъ рыть яму, чтобы поставить воротную вереву; вырывъ яму не болѣе аршина въ глубину, онъ наткнулся на громадную корчагу, наполненную до-верху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, отъ радости и удивленія онъ выронилъ изъ устъ неприличное слово — и корчага съ деньгами провалилась въ землю ³⁾. Въ любопытной статьѣ Н. Я. Аристова ⁴⁾ „Преданія о кладахъ“ находится много подобныхъ разсказовъ, собранныхъ имъ преимущественно въ Симбирской губерніи и дополненныхъ данными о кладахъ изъ этнографическихъ матеріаловъ по Симбирской губерніи, сообщенныхъ въ И. Русское Геогр. Общество г. Юрловымъ.

Поволжскій край, безъ сомнѣнія, представлялъ самый удобный пріютъ для разбойниковъ, и потому здѣсь особенно много сохранилось различныхъ сказаній о кладахъ въ самой прихотливой и украшенной формѣ. Волга-матушка, —эта вольная божья дорога, —представляла широкое раздолье для всѣхъ бѣглыхъ, недовольныхъ господствовавшимъ порядкомъ дѣлъ на Руси, а ея многоводные притоки Ока, Кама и Сура съ

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 138 и слѣд.

²⁾ См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова, стр. 718.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Н. Я. Аристовъ былъ профессоромъ Русской исторіи въ университетахъ: Казанскомъ, Варшавскомъ и Харьковскомъ и въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ, гдѣ и скончался.

густыми и непроходимыми въ то время лѣсами, горы и глубокіе приволжскіе овраги, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали цѣлямъ разгульной вольницы. Здѣсь и доселѣ сохраняется память о Ермакѣ Тимоѳеевичѣ въ названіи села Ермакова и объ его есаулѣ Кольцо въ наименованіи села Кольцова, находящихся въ Самарской Лукѣ¹⁾. Волга служила театромъ дѣйствій Разина и Пугачева; подѣ влияніемъ этихъ страшныхъ волненій, сильно разыгралась народная фантазія и создала множество удивительныхъ разсказовъ и преданій. Н. Я. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ нѣсколько любопытныхъ преданій о кладахъ въ Симбирской губерніи, соединенныхъ съ именемъ Разина, особенно интересенъ разсказъ о Патранскомъ кладѣ²⁾; но онъ вовсе не упоминаетъ о разбойникѣ Кудеярѣ, ролившемся будто отъ великой княгини Соломоніи, первой супруги Василя Іоанновича III, съ которой князь развелся по ея безплодію, чтобы жениться на Еленѣ Глинской. Преданія о Кудеярѣ распространены преимущественно въ среднихъ за-московскихъ губерніяхъ, хотя иногда и въ разсказахъ приволжскихъ жителей упоминается какой-то разбойникъ, побратавшійся съ Грознымъ Царемъ Московскимъ. Въ селѣ Подвальѣ Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи въ шестидесятихъ годахъ проживала крестьянка Абрамова-Азовская, помѣшавшаяся на кладоискательствѣ; нѣсколько лѣтъ она отыскивала „траву-разрушевку“, чтобы добыть кладъ, скрытый на дворѣ Филиппа Самсонова, крестьянина деревни Матюниной въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ. Абрамова разсказала намъ слѣдующее преданіе объ этомъ кладѣ: „На дворѣ Филиппа Самсонова положень

¹⁾ Оба села: Ермаково и Кольцово находятся въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи.

²⁾ Въ селѣ Шатранахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, по преданію, лежитъ казны 40 пудовокъ (мѣръ) золота, 2 сундука жемчугу и 4 р. мѣди брата Стеньки Разина Ивана; тотъ, кому достанется кладъ, мѣдныя деньги долженъ раздать нищей братіи. См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова стр. 732—734.

кладъ во 104 милліона рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба. Въ выходѣ стоитъ столъ; на столѣ лежитъ Евангельска книга, тутъ же стоитъ и блюдо, а на блюдѣ лежитъ камень самосвѣтъ, вѣсомъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ ихъ—мѣдная шпонишка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ да тутъ же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; предъ ихъ иконами горитъ большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчугъ и мѣдныя деньги все съ копями. Около клада стоитъ приставъ (чертъ) и никому не даетъ денегъ: внезапно, говоритъ, трава найдется съ восхода и казна туда пойдетъ,—есть подвалъ ¹⁾, туда и пойдетъ казна. Кто возьметъ этотъ кладъ, тому построить соборъ-церковь и поставить въ ней животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидимы Божіей Матери отнести въ Соловецкій монастырь, гдѣ она была раньше и откуда вывезъ ее какой-то разбойникъ, побратавшійся съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Однажды, когда царь проходилъ по одной изъ московскихъ улицъ, на встрѣчу ему попался разбойникъ. „Кто ты?“ спрашиваетъ царь.—„Разбойникъ“, отвѣчаетъ тотъ.—„А ты кто?“ спросилъ разбойникъ.—„И я—разбойникъ“, отвѣчалъ Грозный и сказалъ: „пойдемъ исхичивать царя!“—Тогда разбойникъ ударилъ его въ щеку и прибавилъ: „развѣ можно исхичивать Бѣлаго Царя?!“—Узнавъ потомъ, при содѣйствіи своей хитрой жены, что онъ ударилъ царя, разбойникъ закручинился, что царь прикажетъ снести ему голову за обиду; но жена успокоила его, что царь этого не сдѣлаетъ, потому что онъ не вѣдалъ, что бьетъ царя, а ударилъ раз-

¹⁾ Абрамова, наводя созвучіе въ словахъ «подвалъ» и «Подвалъе», была убѣждена, что кладъ долженъ достаться кому-либо изъ Подвальскихъ жителей, почему такъ усердно и долго старалась найти гдѣ-нибудь «траву-разрушевку», чтобы добыть этотъ кладъ.

бойника и стоять за царя же. Въ другой разъ тотъ же разбойникъ узналъ, что царю хотять поднести послѣ обѣдни просфору съ ядомъ; онъ пришелъ къ царю и сказалъ, чтобы онъ не бралъ просфоры. Иванъ Васильичъ обнялъ разбойника, поцѣловалъ и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ. Видя скупость своего брата, разбойникъ задумалъ поживиться царской казной и сталъ молиться: „Помоги мнѣ, Никола Милостивый, увести у своего брата названаго банкъ съ казной и положить его на 42 человѣка бѣдныхъ!“—Никола Милостивый и помогъ ему: на семнадцати тройкахъ разбойникъ увезъ царскую казну и зарылъ ее въ Матюнинскомъ лѣсу. Огромный ларь съ двойнымъ золотомъ подпертъ желѣзной рогатиной, въ родѣ ухвата. Казна положена ни купцу, ни боярину, а на бѣдныхъ 42 человѣка. Кто подыметъ этотъ кладъ, тотъ долженъ камень самосвѣтъ и камень невидимый отослать къ царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а въ зепь (карманъ) его не класть. Отъ невидимаго камня много пользы: если Бѣлый Царь объѣдетъ съ нимъ Расею, она сдѣлается невидимой для ея непріятелей; а кто найдетъ и достанетъ замочную траву, тому—двойнаго золота гарнецъ. Траву нужна для того, чтобы сшибить замокъ у сундука, въ коемъ хранятся планы, а замокъ вѣсомъ 16 фунтовъ. Въ выходѣ слышится иной разъ слабый женскій голосъ: „не усилийся, рабъ Божій, своей силой поднять казну! найди траву-разрѣшевку и выручи Божью Матерь изъ неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будетъ царство небесное“.

Крестьянка Абрамова истратила все свое состояніе на отысканіе завѣтной травы, но не могла найти ее, и умерла съ глубокимъ убѣжденіемъ въ существованіи этого клада. Замѣчательно, что о присутствіи иконы Божіей Матери въ кладахъ упоминается во многихъ преданіяхъ. Въ четырехъ верстахъ отъ села Труслейки, какъ гласитъ преданіе, Разинъ положилъ на пчельникѣ подъ порогомъ въ избушкѣ кладъ и икону Божіей Матери. Кто отыщетъ эту икону, тотъ

отроетъ и кладъ, а кто станетъ рыть кладъ безъ этой иконы, тотъ тотчасъ же уснетъ ¹⁾.

Въ двухъ верстахъ отъ села К у в а я Алатырскаго уѣзда Симб. губерніи показываютъ Г о р о д о к ъ, представляющій изъ себя небольшой курганъ (?) въ долинѣ между двухъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ; въ курганѣ зарытъ кладъ, надъ которымъ виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ ²⁾. Въ Шатранскомъ кладѣ Стеньки Разина также стоитъ икона Божіей Матери, а предъ ней горитъ неугасимая лампада ³⁾.

Дѣйствительность существованія разбойническихъ и другихъ кладовъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества не подлежитъ сомнѣнію, и разнообразныя рассказы и преданія о кладахъ, отличающіеся часто полумифическимъ и легендарнымъ характеромъ, имѣютъ въ своей основѣ какой-либо дѣйствительный фактъ, осколокъ правды, украшенный народной фантазіей, подъ вліяніемъ возрѣнія и сълада духовной жизни народа. Въ старину, какъ извѣстно, ни банковъ, ни сберегательныхъ кассъ не было, а держать дома трудомъ нажитое добро было рискованно и еще болѣе было опасно пускать капиталы въ оборотъ, при внутреннемъ неурядицѣ общества, при постоянныхъ нападеніяхъ непріятелей: „сильные притѣсняли слабыхъ“,—замѣчаетъ по этому поводу Н. Я. Аристовъ,—и отнимали ихъ собственность; воры и разбойники нерѣдко похищали имущество другихъ; самовластіе служителей правосудія доходило до того, что они вытягивали послѣднюю копѣйку съ подсудимыхъ. Поэтому умные люди стараго времени считали самымъ практическимъ дѣломъ—прятать деньги и цѣнныя вещи, какъ можно дальше отъ завистливаго взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разоренію, личнымъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ, чтобы обезопасить свое семейство на всякій случай и сохранить малую толику на чер-

¹⁾ См. въ статьѣ Н. Аристова: «Преданія о кладахъ», стр. 723.

²⁾ Тамъ же, стр. 728.

³⁾ Тамъ же, стр. 733.

ный день,—они зарывали въ землю имущество, нажитое потомъ и кровью. Припоминая постоянную борьбу русскихъ съ финскими, татарскими и нѣмецкими племенами, затѣмъ внутреннiя междоусобiя и неурюстройства общественныхъ порядковъ, каждый теоретически можетъ слѣлать выводъ, что кладовъ, зарытыхъ въ древнее время, должно быть громадное количество. Дѣйствительно, не смотря на всю случайность находокъ, кладовъ разрыли до настоящей поры очень много и преимущественно съ древними монетами и вещами, спрятанными по крайней мѣрѣ до XV вѣка ¹⁾. Съ другой стороны, разбойники, застигаемые въ расплехъ преслѣдующими ихъ командами, не надѣясь унести съ собой награбленное ими богатство, скрывали его въ землѣ и дѣлали на этомъ мѣстѣ примѣты. Послѣ разгрома разбойническихъ шаекъ, одни погибали въ неравномъ бою, а другiе отправлялись на каторгу и кладъ, зарытый ими въ землѣ, оставался гдѣ-нибудь въ лѣсу, горѣ или оврагѣ до случайной находки его.

Преданiя о кладахъ неоднократно подавали поводъ къ дѣйствительнымъ опытамъ кладоискательства. Нѣкоторые изъ крестьянъ-кладоискателей всю жизнь проводятъ въ добыванiи записокъ о примѣтахъ, гдѣ зарытъ кладъ, и въ раскопкѣ этихъ мѣстъ. Случайныя находки, вмѣсто денегъ, мѣдныхъ копьевъ, кольчугъ и образовъ ²⁾ еще болѣе раздражали кладоискателей. Бывали примѣры, что мужики, занимающiеся кладоискательствомъ, ходили въ Петербургъ съ прошенiемъ о разрѣшенiи искать имъ клады. Въ селѣ Усольѣ, что на Волгѣ, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, велось даже слѣдственное дѣло изъ-за кладоискательства, а въ 1843 г. отставной унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардiи Московскаго полка Афанасiй Петровъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 711.

²⁾ Въ селѣ Миренкахъ одинъ крестьянинъ вырылъ кувшинъ клинообразныхъ монетъ; въ с. Морквашахъ (въ Самарской Лукѣ), при отысканiи кладовъ, попадались мѣдныя продолговатыя копы; въ с. Подвалѣ была вырыта мѣдная кольчуга, а въ селѣ Бряндинѣ крестьянинъ вырылъ икону 1618 г. См. ст. Аристова, стр. 731, сносокъ.

явился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и, показавъ голландскій талеръ 1620 года, сообщилъ, что въ селѣ Кировомъ Городищѣ Кромскаго уѣзда Орловской губерніи, у крестьянина Василья Самсонова въ подземельѣ находится огромный кладъ, состоящій изъ множества боченковъ, наполненныхъ золотою и серебряною монетою. Тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскій распорядился, чтобы мѣстныя власти произвели слѣдствіе объ этомъ кладѣ со всею строгостью и о результатахъ донесли въ министерство. При слѣдствіи были допрошены всѣ прикосновенныя къ дѣлу лица, въ томъ числѣ приходскій священникъ и московскій купецъ Бардинъ, и осмотрѣна мѣстность, на которой стоялъ домъ Самсонова, но никакого клада небыло найдено¹⁾. Между прочимъ любопытно то, что на этомъ слѣдствіи было выяснено, какъ иные ловкіе люди, пользуясь невѣжествомъ крестьянъ, вытаскивали дѣйствіе извѣстнаго „гремучаго серебра“ (*argentum oxidatum fulminans*) за чудесное дѣйствіе надъ желѣзомъ такъ называемой спрынь-травы, или разрывъ-травы. Крестьянинъ графа Шереметьева Леонтій Ануфриевъ, имѣя только для виду какую-то травку въ пузырькѣ, при помощи „гремучаго серебра“, производилъ опытъ въ кузницѣ, въ присутствіи купца Бардина и кладоискателей, и опытъ вполне удался: полоса желѣза, почти въ четверть аршина длиной и въ ширину толщиной, положенная на наковальню, отъ одного прикосновенія чудесной травы разлеталась съ трескомъ, на подобіе выстрѣла, на четыре части, при чемъ Ануфриевъ, производившій опытъ своими руками, увѣрялъ, что безъ особенной сноровки и умѣнья ничего не сдѣлаешь, если и будешь имѣть эту траву. Но извѣстны и такіе случаи, когда народная молва о кладѣ оправдывалась дѣйствительной находкой сокровищъ въ той мѣстности, гдѣ предполагался кладъ: такъ въ 1839 году, въ селѣ Бѣломъ Омутѣ, Зарайскаго уѣзда Ря-

¹⁾ Случай этотъ описалъ въ Ж. М. Вн. Дѣлъ за 1845 г., г. IX, стр. 313 и слѣд. и въ Забѣткѣ къ статьѣ: «Преданія о кладахъ» Л. Майкова.

N 2999-452

занской губерніи, одинъ крестьянинъ, копаясь около своей избы, про которую давно шелъ слухъ, что подъ нею скрыто какое-то богатство, нашелъ небольшой кладъ изъ куфическихъ монетъ X вѣка. Благодаря содѣйствию мѣстнаго священника, находка эта попала въ свѣдущія руки и представила любопытныя данныя для науки ¹⁾.

Многочисленные случаи кладоискательства подали поводъ нашему законодательству къ нѣкоторымъ особымъ постановленіямъ, относительно кладовъ. При Петрѣ Великомъ, правительство смотрѣло на кладъ, какъ на богатство, ему принадлежащее ²⁾. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, право собственности владѣльца земли было распространено на всѣ богатства, сокрытыя въ ея нѣдрахъ, что было особо подтверждено и Жалованною Грамотою дворянству ³⁾. Въ 1803 г. 7 октября былъ изданъ указъ, въ которомъ Сенатъ изъяснилъ, что кладъ безъ позволенія владѣльца земли не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ ⁴⁾. Въ X т. Свода Гражданскихъ Законовъ, по изданію 1832 г., сказано, что „кладъ принадлежитъ владѣльцу земли“ и притомъ объяснено, что „кладъ есть сокрытое въ землѣ или строеніи сокровище“ ⁵⁾. Въ изданіи того же Свода Гражданскихъ Законовъ 1842 года, т. е. черезъ десять лѣтъ, повторена снова эта статья о правѣ владѣнія кладомъ, но изъ опредѣленія понятія „кладъ“ опущены слова „или строеніи“ ⁶⁾.

¹⁾ См. Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 г. Изданіе Одесскаго Общ. исторіи и древностей, подъ редакціей В. Григорьева. Спб. 1841 г. (4).

²⁾ П. С. Зак., № 4376, п. 3.

³⁾ Тамъ же, № 15447, п. I. Указъ 28 Іюня 1782 г. Слич. № 16187, ст. 33. Указъ 31 апрѣля 1785 г.

⁴⁾ Тамъ же, № 20958.

⁵⁾ См. ст. 269.

⁶⁾ Ст. 398.

Въ губервіяхъ Полтавской и Черниговской, на основаніи мѣстныхъ правъ ¹⁾, было постановлено, что кладъ, отысканный самимъ владѣльцемъ на его собственной землѣ, весь и сполна принадлежитъ ему, изъ клада же, найденнаго кѣмъ-либо случайно на чужой землѣ, половина отдается владѣльцу земли, а другая половина тому, кто нашель кладъ ²⁾. Всѣ означенныя статьи о правѣ владѣнія кладомъ вошли и въ изданіе 1857 г. Свода Законовъ ³⁾.

Если археологическія раскопки различныхъ кургановъ и могильниковъ (Ананьинскій и Муранскій) и сообщенія о дѣйствительно находимыхъ кладахъ даютъ цѣнные результаты для науки, то и преданія объ этихъ сокровищахъ представляютъ богатый матеріалъ для историка, психолога и поэта, при изученіи духовной жизни народа. „Преданіе“, по справедливому замѣчанію Т. Н. Грановскаго, „не заботится о вѣрности, но въ немъ есть истина другаго рода: въ немъ высказываются любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину“. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ въ преданіяхъ о кладахъ политико-экономическій смыслъ Русскаго народа. Не смотря на самыя тяжелыя труды, русскіе крестьяне въ огромномъ большинствѣ испытывали страшную бѣдность въ теченіе многихъ вѣковъ; нельзя сказать, чтобы они разбогатѣли и теперь, когда и правительство, и частная благотворительность стараются поддерживать народъ въ его упорной и часто непосильной борьбѣ съ природой, болѣзнями, эпизоотіей, пожарами и другими невзгодами, угрожающими окончательнымъ разореніемъ крестьянству. Поэтому неудивительно, что русскій крестьянинъ не вѣритъ,

¹⁾ Литовск. Стат., разд. III, артик. 39, подтвержденный мнѣніемъ Госуд. Совѣта, Высочайше утвержд. 15 апрѣля 1842 г.

²⁾ Сводъ Гражд. Зак. Изд. 1845 г., ст. 398.

³⁾ См. т. X, ст. 430. Всѣ вышеприведенныя указанія на законоположенія приведены по статьѣ Л. Майкова: «Замѣтка къ статьѣ: «Преданія о кладахъ», который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ «введенія» въ статью, напечат. въ Ж. М. Вн. Дѣль за 1845 г., ч. IX, стр. 313.

чтобы можно было и притомъ скоро разбогатѣть своимъ трудомъ: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“, говоритъ онъ, а если кто изъ его собратьевъ вдругъ разбогатѣетъ, то приписываетъ это счастливому случаю или нечестному дѣлу: „богатый совѣсти не купитъ, а свою губитъ“. О лицахъ нажившихъ богатство въ короткое время, крестьяне чаще всего говорятъ, что имъ удалось найти кладъ. Но особенно любопытно то обстоятельство, что всѣ преданія о кладахъ, подъ вліяніемъ христіанства, получили легендарный характеръ чисто въ русскомъ духѣ. Степка Разинъ, Кудеяръ, братъ Разина Иванъ и другіе разбойники, зарывая кладъ, оставляютъ въ мѣстахъ сокрытія клада или святыхъ иконы, или милостыню нищимъ, и самый кладъ, по большей части, зарываютъ ни для купца, ни для боярина, а для людей бѣдныхъ, простыхъ, неопытныхъ, дѣтей и тѣхъ, которые гонимы другими и претерпѣваютъ напрасно побои и притѣсненія,—словомъ, въ преданіяхъ о кладахъ отразился тотъ же взглядъ народа, что и въ его бытовыхъ сказкахъ: о богатствѣ и бѣдности, о правдѣ и кривдѣ, о трехъ братьяхъ, о трехъ сестрахъ и снохахъ, о мачихѣ и падчерицѣ и др., гдѣ бѣдные и правдивые, гонимые богатыми и притѣсняемые криводушными, младшіе, преслѣдуемые старшими, слабѣе—сильными въ концѣ концовъ торжествуютъ и выходятъ побѣдителями. Въ статьѣ Н. Я. Аристова приведенъ слѣдующій разговоръ по этому поводу.

Въ одномъ домѣ была женщина въ загонѣ, не любимая въ семьѣ; ей не позволяли даже участвовать въ общемъ деревенскомъ весельѣ и въ играхъ, и потому она больше сидѣла дома. Какъ только останется она наединѣ, вдругъ завоетъ въ трубѣ вѣтеръ и послышится голосъ: „упаду—расшибусь!“... Когда она рассказала о томъ роднымъ, тѣ подняли на смѣхъ и обругали ее. Страхъ одолѣлъ несчастную женщину и она рассказала о томъ своей сосѣдкѣ, которая научила ее, какъ пособить горю: „ты возьми,—говоритъ,—бѣлую скатерть, раз-

стели около печи, поставь хлѣба-соли, и какъ только заговорить въ трубѣ голосъ, ты скажи: „упади-расшибись на хлѣбъ да на соль да на добрые годы“.—Припасла все это молодуха, сидитъ одна одинешенька по прежнему, а кладъ не является, пересталъ совсѣмъ голосить въ трубѣ, такъ что она объ немъ и забывать стала. Сидитъ она однажды вечеромъ, задумавшись; вдругъ завыло въ трубѣ сильнѣе прежняго: „упаду-расшибусь!“... Сначала молодушка оробѣла, потомъ оправилась и тотчасъ разостлала скатерть и проговорила по совѣту сосѣдки немудрыя слова. Кладъ разсыпался изъ трубы серебромъ прямо на скатерть ¹⁾).

Стенька Разинъ, по народнымъ преданіямъ, былъ не воровъ-разбойникомъ, а защитникомъ интересовъ, имущественныхъ и личныхъ правъ простаго народа, нарушителями которыхъ являлись помѣщики и воеводы, а потому и неудивительно, что во многихъ преданіяхъ о кладахъ, соединенныхъ съ именемъ Разина, говорится, что кладъ зарытъ имъ на бѣдныхъ и гонимыхъ сильными. Съ другой стороны, оберегателями кладовъ, какъ награбленнаго богатства, обогрэннаго нерѣдко кровію людей, являются бѣсы, требующіе за обладаніе кладомъ человѣческихъ жертвъ, а потому различныя иконы съ неугасимой предъ ними лампадой или свѣчей, богоявленская вода, Животворящій Крестъ, восковыя свѣчи, просфоры, ладонь, разныя молитвы ²⁾ Божіей Матери, Архангелу Михаилу и святымъ, заклипанія діавола, трава Петровъ-крестъ, Плакунъ-трава ³⁾ и Спрынь-трава занимаютъ весьма видное мѣсто въ преданіяхъ о кладахъ, какъ средства, при помощи которыхъ можно прогнать бѣсовъ и добыть кладъ, скрытый въ землѣ какимъ-либо разбойникомъ для искупленія отъ грѣ-

¹⁾ См. стр. 727. Сравн. тамъ же стр. 722.

²⁾ Н. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ три такія молитвы. 1) Молитву Пресвятой Богородицѣ (стр. 735), 2) Молитву Михаилу Архангелу (стр. 736) и 3) Молитву Св. Николаю Чудотворцу. (стр. 737).

³⁾ Плакунъ-трава, по народному убѣжденію, выросла отъ слезъ Богородицы. См. стихъ о Голубиной книгѣ.

ховъ его души. Ворожецы или такъ называемые „мастера“, умѣющіе добывать клады, говорятъ, что для открытія и обладанія кладомъ необходимо прежде всего отслужить молебенъ св. Іоанну Новгородскому; затѣмъ идти на мѣсто предполагаемаго клада, взявъ съ собою девятичиновную просфору ¹⁾ и прежде чѣмъ брать открытый кладъ, слѣдуетъ окурить его ладаномъ и окропить святою богоявленскою водою. Лица, занимающіяся отысканіемъ кладовъ, имѣютъ у себя такъ называемыя „вызывныя книги“, заключающія въ себѣ заклинательныя молитвы изъ „Требника“ Петра Могилы и многія другія, которыя читаются на мѣстѣ сокрытія клада. При разрытіи клада не слѣдуетъ оглядываться, разговаривать и особенно предаваться сну, а чтобы не бояться разныхъ привидѣній, нужно имѣть при себѣ траву Петровъ-крестъ, Спрынь-траву и свѣчу воска яраго (бѣлаго). Иные охотники до кладовъ имѣютъ у себя особыя записи и чертежи, служащія для нихъ указателями и руководствомъ при отысканіи кладовъ ²⁾. Вѣроятно, эти записи составились подъ вліяніемъ устныхъ преданій и положены на бумагу грамотными кладоискателями, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе съ различными вариантами и наслоеніями позднѣйшаго времени. Къ числу такихъ записей, вѣроятно, принадлежитъ и печатающійся въ настоящей книжкѣ „Извѣстій“ рукописный свитокъ Г. В. Мещеринова. Мы находимъ въ немъ всѣ тѣ характеристическія черты, которыми отличаются вообще преданія о кладахъ. Послѣ исчисленія скрытыхъ въ немъ сокровищъ и указанія его мѣсто-нахожденія, даются наставленія, какъ его взять. Кладъ бабы разбойницы Варвары, Желѣзный Лобъ, можетъ быть взятъ только людьми „простосердечными“, а хитрые люди, еслибы при томъ находились, „всѣ вскорѣ изгибнуть конечною злою смер-

¹⁾ Въ честь девяти чиновъ Ангельскихъ.

²⁾ См. образчикъ такой записи въ ст. Н. Аристова на стр. 731, а въ приложеніи къ «Замѣткѣ» Л. Майкова находится любопытный чертежъ, слѣдланый въ объемѣ подлинника и съ точнымъ сохраненіемъ рисунка оригинала и его письма, относящагося къ началу текущаго столѣтія.

тію“. При открытіи клада, непременно должна находиться баба Варвара, безъ которой „того сокровища отнюдь никому не найдить и не взять“. Баба Варвара должна троекратно окропить двери амшеника святою водою „непитою“ и, проговоривъ три раза Иисусову молитву, какъ она, такъ и всѣ, находящіеся съ нею, должны произнести заклинаніе діавола; „заклинаемъ ты діавола Люцыфера, тьмы князя града ада геенскаго и всѣхъ съ тобою злыхъ нечистыхъ діавольскихъ духовъ Живымъ Своимъ Истиннымъ Богомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ и Сыномъ Маріинымъ, алою и амегою, отъ сего часа и минуты, да изыди отъ сего мѣста и со всѣми своими нечистыми духи, невидимо нами рабами Божіими, на сухъ лѣсъ, на желтые пески синяго моря акіяна. Аминь, аминь, аминь“. Затѣмъ всѣмъ слѣдуетъ идти въ амшеникъ за бабою Варварою, безъ робости и сомнѣнія, съ Иисусовою молитвою „честно, тихо и кротко“. Въ амшеникѣ находится „ломовая превеликая пушка, заряженная злымъ дѣломъ да образъ Св. Варвары Христовой Мученицы“. Цѣль зарытія клада—спасеніе души: называя себя „многогрѣшной рабой божіей“, Варвара Желѣзный Лобъ просить тѣхъ, коимъ достанется кладъ, „незабытно поминать многогрѣшныхъ рабовъ божіихъ Варвару, Кудеяра и Степана“ (Разина). Здѣсь очевидно сказалось вліяніе христіанства: сознавая грѣховность своей удалой жизни и вѣря въ отвѣтственность за свои дѣянія въ загробномъ мірѣ, разбойники надѣялись, что молитвенная память о нихъ поможетъ ихъ душѣ, что Господь не отрицетъ ихъ раскаянія въ грѣхахъ; подобно новгородскому богатырю Василью Буслаеву, они разсуждали такъ: „съ молодю было много бито, граблено,—подъ старость надо душу спасти“.

В. Витевскій.

МОРДВА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА II.

Визиній бытъ.

(Продолженіе)

Мордва представляет собою самое значительное изъ восточно-финскихъ племень ¹⁾. Съ давнихъ поръ они раздѣляется на двѣ основныя группы: Эрзю и Мокшу ²⁾. Въ литературѣ упоминаются еще двѣ сравнительно меньшихъ группы—Терюхане въ Нижегородской губерніи (и уѣздѣ) и Каратаи въ Казанской, но первые обрусѣли, вторые отатарились и опредѣлить ихъ отношеніе къ названнымъ крупнымъ группамъ въ настоящее время чрезвычайно нелегко. Нѣсколько культурныхъ словъ, сохранившихся въ языкѣ, названія и формы костюма, скудныя извѣстія о древней религіи—вотъ все, чѣмъ можетъ располагать изслѣдователь.

Собраніе и обработка терюханскаго лингвистическаго матеріала были предприняты покойнымъ Веске, но не осущест-

¹⁾ Численность ея въ настоящее время можно опредѣлить до 1 милліона душъ обоего пола.

²⁾ Въ формѣ Moxel мы встрѣчаемъ имя Мокши у Рубруквиса. Племенное названіе Эрзя можно предполагать въ Arsa, Arsanía Ибн-Фоцлана.

вилось за его смертью и не находить продолжателя. Названія отдѣльных частей женскаго костюма—ш у ш п а н ь, с у с т у г ь—не заключаютъ въ себѣ ничего обособляющаго; вѣкторую особенность представляютъ формы костюма, но онѣ—продуктъ новѣйшаго времени: новыя рубашки и кафтаны тeryханокъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ принадлежностей туалета эрзянокъ и мокшанокъ, но старыя вещи, которыя намъ приводилось видѣть, обнаруживаютъ близость къ эрзянскимъ формамъ.

Что касается отличія Эрзи отъ Мокши, то оно выражается въ физическомъ типѣ и въ рядѣ особенностей внѣшняго и внутренняго быта.

Присматриваясь къ мокшанской толпѣ, наблюдатель скоро замѣтитъ, что она представляетъ бѣльшее разнообразіе типовъ сравнительно съ эрзянской. Рядомъ съ бѣлокурами, сѣроглазыми и обладающими свѣтлой кожей особями, изъ которыхъ состоитъ эрзянская толпа, мы встрѣчаемъ здѣсь значительное, едва-ли не преобладающее, количество особей, обладающихъ черными волосами и глазами, смуглымъ, желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Лица представляютъ такое-же разнообразіе, какъ и окраска кожи и волосъ. Мокша въ большей части случаевъ, какъ и Эрзя, обладаетъ круглымъ лъцемъ, но строеніе его иное, чѣмъ у Эрзи. Не рѣшаясь характеризовать это различіе въ терминахъ анатомо антропологическихъ, мы отмѣтимъ только, что мокшанскія круглыя лица приближаются по типу къ татарскимъ и чувашскимъ. Среди преобладающей массы круглыхъ лицъ у Мокши встрѣчаются овальные лица, съ тонкимъ правильно очерченнымъ носомъ. Особи, обладающія такими лицами, имѣютъ большіе черные глаза, желтоватую кожу и черные волосы.

При одинаково-высокомъ ростѣ Мокша, насколько позволяютъ объ этомъ судить наши наблюденія, отличается бѣльшей массивностью сложенія и вытекающей отсюда неповоротливостью. Не обладая граціей и изяществомъ движеній, мокшан-

1438-

скія дѣвушки и женщины проявляютъ въ походѣ, въ говорѣ, въ жестахъ самоувѣренную силу и энергію. Прямой, нѣсколько откинутый взадъ шагъ, тяжелыя, размашистыя движенія, громкая рѣчь съ нѣсколько хриплыми нотами—вотъ черты, которыя наблюдатель отмѣчаетъ въ мокшанской толпѣ.

Нарѣчіе эрзянское отличается отъ мокшанскаго и фонетикой и лексическимъ составомъ. Мокшанинъ и эрзянинъ, если они не изъ сосѣднихъ пограничныхъ деревень, не въ состояніи понять другъ друга и прибѣгаютъ для объясненій къ русскому языку ¹⁾.

Въ области внѣшняго быта главное отличіе заключается въ женскомъ костюмѣ; мужской не представляетъ особенностей. Костюмъ мокшанки и по составу, и по формамъ, и по способу надѣванія отличается отъ эрзянскаго. Нижняя одежда мокшанки состоитъ изъ рубашки и штановъ. Рубашку свою мокшанка носитъ иначе, чѣмъ эрзянка. Въ то время, какъ у эрзянки рубашка спускается почти до пятъ, мокшанка поддегиваетъ свой длинный панаръ у пояса и не спускаетъ его ниже колѣнъ. Поверхъ его лѣтомъ она чаще всего не надѣваетъ ничего, тогда какъ полный туалетъ эрзянки предполагаетъ необходимо ш у ш п а н ъ, вышитый верхній кафтанъ, тождественный по формѣ съ черемисскимъ шоборомъ или сюсьпаномъ. Головные уборы мокшанокъ не имѣютъ ничего общаго съ эрзянскими и ближе къ черемисскимъ. На сѣверѣ мокшанскаго края, выше Краснослободска, употребляется головной уборъ близкій по формѣ къ черемисскому тюрику. Мокшанская панго по формѣ близка къ черемисскимъ лопатообразнымъ сорокамъ. Татарское вліяніе сказывается на Мокшѣ тѣмъ, что женщины поверхъ панго, а дѣвушки прямо на голову, наворачиваютъ холщерею полотенце или покупную шаль въ видѣ чалмы.

¹⁾ Обстоятельнаго трактата о мордовскихъ нарѣчіяхъ финская филологія ожидаетъ отъ молодаго гельсингфорскаго ученаго г. Паазонена, который собралъ во время своихъ недавнихъ путешествій къ Мордвѣ обильный матеріалъ въ видѣ фонетически записанныхъ текстовъ и словаря.

Круглыхъ камилавкообразныхъ кокошниковъ и сорокъ съ рогообразнымъ выступомъ надъ лбомъ, широко распространенныхъ у эрзянокъ, мокшанки не носятъ. Поясныя украшенія такъ же рѣзко, какъ и головные уборы, обособляютъ эрзянокъ отъ мокшанокъ. Мокшанки не носятъ такъ называемаго пулагая, то есть назадняка, украшеннаго бисеромъ и длинной бахромой.

По численности и району своего распространения Эрзя преобладаетъ надъ Мокшей. Обнимая своими поселеніями южные уѣзды Нижегородской и Симбирской губерніи, она заходитъ въ губерніи Тамбовскую и Пензенскую. Изслѣдованія Паазонена показали, что Эрзя занимаетъ десять деревень на сѣверѣ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи въ окрестностяхъ Кадома и двѣ деревни въ Спасскомъ у. той-же губерніи. (Кажлогка и Дракино) ¹⁾. Въ Пензенской губерніи она занимаетъ значительную часть селеній Саранскаго и Городищенскаго уѣздовъ, по мѣстамъ смѣшиваясь съ Мокшей. Эрзя же составляетъ главный контингентъ мордовскаго населенія въ степяхъ Заволжья—въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбургской. Въ губерніи Саратовской она чередуется съ Мокшей.

Внѣшній бытъ Мордвы сложился подъ вѣковымъ вліяніемъ окружающей ее природы. Коренными землями Мордвы, какъ мы имѣли случай показать въ предыдущей главѣ, слѣдуетъ считать, начиная съ С., южные уѣзды Нижегородской губ.—Нижегородскій, Арзамасскій, Ардатовскій, Княгининскій, Лукояновскій и Сергачскій и прилежающіе къ нимъ уѣзды губерній Тамбовской—Темниковскій и Шацкій, Пензенской—Краснослободскій и Инсарскій, Симбирской—Алатырскій и Ардатовскій т. е. земли, омываемыя рѣками Тешей, Пьяной, Мокшей и Сурой. До настоящаго времени на этомъ пространствѣ сохранились обширные лѣса, которые являются остатками былыхъ его лѣсныхъ богатствъ: въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижего-

¹⁾ Journal de la Soc. Fin.-Ougr. IX, p. XIV—XV.

родской губерніи они занимаютъ около $\frac{3}{4}$ всего пространства, въ Лукояновскомъ 40%. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ лѣса занимаютъ обширныя пространства по берегамъ Суры и Пьяны. Отдѣльные колки бывшихъ лѣсовъ сохранились здѣсь при монастыряхъ—Спасскомъ близъ Краснослободска, Сканъевомъ близъ Наровчата и т. д., на государственныхъ и нѣкоторыхъ частно-владѣльческихъ земляхъ и даютъ понятіе о быломъ пейзажѣ страны. Громадныя пробѣлы, образовавшіеся между этими колками въ теченіе вѣковъ, воображеніе можетъ восполнить на основаніи рассказовъ старожиловъ и старинныхъ актовъ. Въ рѣдкомъ селѣ мордовскаго края не помнятъ о лѣсахъ, которые подходили прямо къ мордовскимъ усадьбамъ.

Акты говорятъ о дремучихъ лѣсахъ тамъ, гдѣ теперь путешественникъ видитъ сплошныя поля. Мордовскіе лѣса въ XVII в. начинались почти непосредственно у Нижняго, за Кудьмой рѣкой. Возникшій въ это время въ нынѣшнемъ Нижегородскомъ уѣздѣ Оранскій монастырь находился въ дремучемъ лѣсу. Территорія смежной съ нимъ терюшевской Мордвы даже столѣтіемъ позднѣе представлялась покрытой такими лѣсами, что въ нихъ могло свободно укрыться все населеніе волости, когда архіепископъ Д. Сѣченовъ послѣ извѣстнаго „Терюшевскаго бунта“ задумалъ его крестить¹⁾.

О лѣсахъ, покрывавшихъ югъ территоріи, можно догадываться по картинѣ, которую до настоящаго времени представляетъ Кузнецкій уѣздъ Саратовской губерніи, по актамъ относительно Тамбовскаго и Моршанскаго уѣздовъ, по преданіямъ, сохраняющимся во всемъ мордовскомъ краѣ.

Близость черноземной полосы сказывается на этихъ лѣсахъ сравнительнымъ разнообразіемъ составляющихъ ихъ породъ. Въмѣсто боровъ, которые чередуются съ ельникомъ на лѣвомъ берегу Волги, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь рядомъ съ обширными сосновыми лѣсами громадныя простран-

¹⁾ А. Титовъ. «Терюшевскій бунтъ». Рус. Обозр. 1893, № 9, стр. 310.

ства, покрытыя листовными породами: дубомъ, липой, кленомъ, ясенемъ, некленомъ и др.

Среди этихъ лѣсныхъ пространствъ проглядывали въ былое время поляны большаго или меньшаго размѣра (к у ж а) и дикія поля, на которыя всего ранѣе садились земледѣльцы ¹⁾. Не мало мордовскихъ деревень до настоящаго времени носятъ названія, оканчивающіяся на к у ж а (кжа, кша) = поляна.

О томъ животномъ мѣрѣ, который населялъ обширные лѣса исконно-мордовскаго края, даютъ понятіе акты XVII в. „А не учну язъ, читаемъ мы въ купчей записи Мамонтовой пустыни мордвина Верхоценской волости (1640 г.), въ тѣхъ бортныхъ ухожьяхъ и во всякихъ вотчинныхъ угодыяхъ... въ рыбной и въ бобровой ловлѣ и во всякихъ становыхъ звѣряхъ, въ лосѣ и въ козѣ и въ свиньѣ жеребьевъ по государеву оброку давать и на мнѣ, на Михайлѣ, взять въ домъ великому чудотворцу Николѣ да труднику Мамонту по сей купчей записи заряду 100 рублей“ ²⁾. „Козиное и лосиное“ стойло, „свиное логово“, „бобровая вежа“, „бобровые гоны“ фигурируютъ въ цѣломъ рядѣ другихъ актовъ той-же пустыни ³⁾. Рядомъ по мѣстамъ упоминаются еще куницы. Вся эта фауна заходила на Ю. въ область Хопра и Вороны ⁴⁾.

Понятно, что мы должны встрѣтить ее и выше на С., гдѣ лѣса были обширнѣе—и акты, относящіеся къ Симбирской губерніи, дѣйствительно, указываютъ на ея присутствіе здѣсь. Въ одной изъ купчихъ Алатырской приказной избы мы читаемъ напр. слѣдующее: „а продалъ есми имъ тое вотчину впрокъ безъ выкупу и ихъ дѣтямъ... съ стоячимъ деревомъ и со пнемъ и съ лежачею колодою и со звѣри: и съ лосемъ,

¹⁾ Въ актахъ упоминается между прочимъ дикое поле въ Шацкомъ уѣздѣ въ Ценскомъ поллѣсномъ станѣ за большимъ чернымъ лѣсомъ. Изв. Тамб. Арх. Ком. XIV, 23.

²⁾ Мамонт. пустынь. Изд. Тамб. А. К. Т. 1887. Стр. 6.

³⁾ *ibid.* Стр. 8, 9 и слѣд.

⁴⁾ *ibid.* Стр. 12—13.

и съ медвѣдемъ, и съ волкомъ, и съ лисицею, и съ куницею... и съ водянымъ звѣремъ, съ бобромъ и съ бобровыми гоня 1)“.

Если среди такихъ условій мордвинъ не остался охотникомъ и не сталъ подобно своимъ сѣвернымъ родичамъ—Вогуламъ и Коми—гибнуть по мѣрѣ того, какъ сокращались лѣсныя пространства, то этимъ онъ обязанъ свойствамъ почвы, которая лежала подъ полями ковыля и черными лѣсами. Эта почва, не требовавшая труда и дававшая человѣку обильные плоды, рано заставила его обратиться къ земледѣлю и заниматься имъ рядомъ съ охотой, рыбной ловлей и пчеловодствомъ.

Понятіе о томъ, какъ плодородны были когда-то земли, лежавшія подъ черными лѣсами, даетъ слѣдующія слова Палласа относительно приемовъ земледѣлія на Самарской лукѣ: „иностраннѣй человѣкъ, увидѣвъ здѣшнее хлѣбопашество, конечно придетъ въ изумленіе, а именно: на не вспаханной землѣ, которая и безъ удобренія плодородна, крестьяне сѣютъ овесъ, рожь и просо, какъ будто-бы на сѣденіе птицамъ, потомъ взявъ соху начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороной безъ погоняльщика и вся работа въ томъ состоитъ“ 2).

Извѣстія русскихъ лѣтописей изображаютъ Мордву XIII вѣка уже народомъ земледѣльческимъ 3). Рядомъ съ земледѣліемъ у нея, судя по извѣстіямъ Рубруквиса, имѣло широкое значеніе охота (соколиная) и пчеловодство: „у нихъ много свиней, меда, воска, богатой упряжи и соколовъ“ говоритъ онъ относительно Мокши 4). Этотъ строй жизни мало измѣнился въ теченіе почти трехъ столѣтій отдѣляющихъ Рубруквиса отъ Герберштейна. Авторъ „Записокъ о Московіи“ гово-

1) Акты Бѣлокрис. № 22.

2) Путеш. по разнымъ провинціямъ. Ч. 1, стр. 246.

3) Лѣт. по Лавр. сп. Спб. 1872. Стр. 428.

4) Requeil des Voyag. faits en Asie. I,

рить, что Мокша его времени обрабатывала поля, питалась дичиной и медомъ, имѣла въ изобиліи драгоцѣнные мѣха ¹⁾).

Въ XVII в. судя по многочисленнымъ указаніямъ актовъ охота и пчеловодство составляли еще очень важную статью въ хозяйствѣ Мордвы: бортные ужожи и лѣсныя вотчины съ ихъ звѣремъ и птицей составляютъ главную драгоцѣнность мордвина. Въ теченіе XVIII и XIX стол. сокращеніе лѣсной площади низвело охоту въ однихъ мѣстахъ на степень второ-степеннаго промысла, въ другихъ обратила ее въ пріятное воспоминаніе.

Показателемъ экономическаго благосостоянія, которымъ благодаря качествамъ своей земли Мордва пользовалась до бѣдствій послѣднихъ лѣтъ, служить между прочимъ ея незначи- тельная задолженность.

Въ Саратовской губерніи (въ Кузнецкомъ уѣздѣ) прихо- дилось долга ²⁾)

у Мордвы	12 к. на десят.	= 7,25%	оклада
у Чувашъ	17 к. на —	= 10, 1%	—
у Русскихъ	53 к. на —	= 23, 5%	—
у Татаръ	1 р. 29 к. на —	= 72, 9%	—

Эта низшая степень задолженности Мордвы представляетъ собою прямой результатъ ея лучшаго обезпеченія землей ³⁾).

Вѣка, въ теченіе которыхъ Мордва жила въ своей бла- годатной странѣ, отразились на ея физическомъ типѣ. Она рѣзко отличается отъ другихъ финновъ Волжско-Камскаго бассейна—Черемисъ, Вотяковъ, Пермяковъ—своимъ ростомъ, массивнымъ сложеніемъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи и размѣ- ромъ физическихъ силъ. Русское населеніе края также не вездѣ въ состояніи помѣряться съ Мордвой физическими рес- сурсами: оно позже явилось здѣсь, принесло съ собой типъ, создавшійся въ относительно менѣе благопріятныхъ сѣверныхъ

¹⁾ Замысл. Герберштейнъ. Стр. 426.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Саратов. губ. т. X, стр. 82.

³⁾ *ibid.* 50.

областяхъ и находилось въ худшихъ сравнительно съ Мордвой социально-экономическихъ условіяхъ.

Само собою понятно, что при подобныхъ органическихъ ресурсахъ Мордва далека отъ вырожденія, выпавшаго на долю другихъ, менѣе благоприятно обставленныхъ племенъ. Новѣйшія статистическія изслѣдованія показываютъ, что Мордва принадлежитъ къ самымъ плотовитымъ народностямъ восточной Россіи ¹⁾.

Переходя къ детальному ознакомленію съ бытомъ Мордвы, мы остановимся прежде всего на ея питаніи и жилищѣ.

Пища мордвина находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ его преобладающими занятіями. Въ ту пору, когда лѣса открывали обширное поле для охоты, ея составляло мясо дикихъ животныхъ и птицъ. Подобно своимъ восточнымъ родичамъ, мордвинъ не былъ разборчивъ относительно понадавшей ему подъ руку дичи. Онъ не дѣлилъ животныхъ и птицъ на съѣдобныя и не съѣдобныя: заяць, сова, соколь, сорока, ворона, еще въ началѣ текущаго столѣтія употреблялись Мордвиномъ въ пищу рядомъ съ гусями и утками ²⁾. Заяць до сихъ поръ остается любимымъ кушаньемъ Мордвы. Въ ряду пищевыхъ продуктовъ возникшихъ на почвѣ скотоводства слѣдуетъ отмѣтить различнаго рода сыры, которые очень хвалятъ люди, пробовавшіе ихъ, пидьяф-верша—кушанье изъ поджаренной свиной крови. На почвѣ пчеловодства возникъ любимый напитокъ Мордвы—пуре. Не смотря на близость своего названія къ черемисскому пуре, пюре Мордвы отличается отъ этого послѣдняго и по своему составу и по способу приготовленія. Въ то время, какъ черемисское „пуре“ есть чисто медовой напитокъ, пюре представляетъ собою родъ такъ называемаго сыченаго пива.

Растительная пища Мордвина немногимъ отличается отъ русской. Черный хлѣбъ, пироги, квасъ, щи, блины, лепешки,

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. о Саратов. губ. т. V, 59; т. X, 181.

²⁾ Архим. Макарій.

олады, кулага, каша изъ разнаго рода крупы—составляютъ существенное содержаніе мордовской кухни, какъ и русской. Покойный Майновъ къ числу кушаній специально мордовскихъ относитъ нумолон-прайста (пельняни съ зайчиной), вери-прайста—видъ малорусскихъ варениковъ, приготовленныхъ на коровьемъ или свиномъ салѣ, баланду—лебеду вареную въ молокѣ съ крутыми яйцами ¹⁾).

Остатки язычества съ его молянами и обильными животными жертвами являются причиной того, что Мордвинъ до сихъ поръ гораздо чаще, чѣмъ его русскій сосѣдь употребляетъ животную пищу.

Въ такой-же зависимости отъ условій среды находится и жилище мордвина. И матеріалы и первоначальны формы для него давала всему финскому міру окружавшая его лѣсная природа. Естественный навѣсъ изъ вѣтвей, естественное углубленіе въ берегѣ оврага или рѣки дали когда-то древнему финну первичныя архитектурныя идеи. Разработка данныхъ природой мотивовъ обнимаетъ первые періоды въ исторіи древне-финнскаго жилья (кота, куд). Въ этой первоначальной обще-финнской работѣ участвовала, какъ показываетъ языкъ и Мордва (фин. кота || чер. куда || морд. куд).

Современное жилище мордвина представляетъ результатъ его сожителства съ русскимъ народомъ. Чтобы открыть въ немъ то, что составляетъ продуктъ его собственнаго творчества, нужно выдѣлить формы, особыя отъ русскихъ. Эта работа въ существенныхъ чертахъ уже выполнена финскимъ ученымъ г. А. Гейкелемъ въ его трудѣ: „Die Gebäuden der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen“ (Hels. 1888). За основаніе для хронологической классификаціи существующихъ у Мордвы и родственныхъ финновъ построекъ г. Гейкель принимаетъ формы огнища въ его послѣдовательномъ развитіи.

Древнейшей формой постройки снабженной огнищемъ является у Мордвы-Мокши овинъ (о в е н), срубъ, запущенный

¹⁾ Mainof. Les restes de la myth. Mord. 61.

областяхъ и находилось въ худшихъ сравнительно съ Мордвой социальнo-экономическихъ условіяхъ.

Само собою понятно, что при подобныхъ органическихъ ресурсахъ Мордва далека отъ вырожденія, выпавшаго на долю другихъ, менѣе благопріятно обставленныхъ племенъ. Новѣйшія статистическія изслѣдованія показываютъ, что Мордва принадлежитъ къ самымъ плотовитымъ народностямъ восточной Россіи ¹⁾.

Переходя къ детальному ознакомленію съ бытомъ Мордвы, мы остановимся прежде всего на ея питаніи и жилищѣ.

Пища мордвина находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ его преобладающими занятіями. Въ ту пору, когда лѣса открывали обширное поле для охоты, ее составляло мясо дикихъ животныхъ и птицъ. Подобно своимъ восточнымъ родичамъ, мордвинъ не былъ разборчивъ относительно попадавшей ему подъ руку дичи. Онъ не дѣлилъ животныхъ и птицъ на съѣдобныя и не съѣдобныя: заяцъ, сова, соколъ, сорока, ворона, еще въ началѣ текущаго столѣтія употреблялись Мордвиномъ въ пищу рядомъ съ гусями и утками ²⁾. Заяцъ до сихъ поръ остается любимымъ кушаньемъ Мордвы. Въ ряду пищевыхъ продуктовъ возникшихъ на почвѣ скотоводства слѣдуетъ отмѣтить различнаго рода сыры, которые очень хвалятъ люди, пробовавшіе ихъ, пидьяф-верша—кушанье изъ поджаренной свиной крови. На почвѣ пчеловодства возникъ любимый напитокъ Мордвы—пуре. Не смотря на близость своего названія къ черемисскому пуре, пюре Мордвы отличается отъ этого послѣдняго и по своему составу и по способу приготовленія. Въ то время, какъ черемисское „пуре“ есть чисто медовой напитокъ, пюре представляетъ собою родъ такъ называемаго сыченаго пива.

Растительная пища Мордвина немногимъ отличается отъ русской. Черный хлѣбъ, пироги, квасъ, щи, блины, лепешки,

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. о Саратов. губ. т. V, 59; т. X, 181.

²⁾ Архим. Макарій.

оладьи, кулага, каша изъ разнаго рода крупы—составляютъ существенное содержаніе мордовской кухни, какъ и русской. Покойный Майновъ къ числу кушаній спеціально мордовскихъ относитъ нумолон-прайста (пельняни съ зайчиной), вери-прайста—видъ малорусскихъ варениковъ, приготовленныхъ на коровьемъ или свиномъ салѣ, баланду—лебеду вареную въ молокѣ съ крутыми яйцами ¹⁾).

Остатки язычества съ его молянами и обильными животными жертвами являются причиной того, что Мордвинъ до сихъ поръ гораздо чаще, чѣмъ его русскій сосѣдь употребляетъ животную пищу.

Въ такой-же зависимости отъ условій среды находится и жилище мордвина. И матеріалы и первоначальны формы для него давала всему финнскому міру окружавшая его лѣсная природа. Естественный навѣсъ изъ вѣтвей, естественное углубленіе въ берегѣ оврага или рѣки дали когда-то древнему финну первичныя архитектурныя идеи. Разработка данныхъ природой мотивовъ обнимаетъ первые періоды въ исторіи древне-финнскаго жилья (кота, куд). Въ этой первоначальной обще-финнскоѣ работѣ участвовала, какъ показываетъ языкъ и Мордва (фин. кота || чер. куда || морд. куд).

Современное жилище мордвина представляетъ результатъ его сожителства съ русскимъ народомъ. Чтобы открыть въ немъ то, что составляетъ продуктъ его собственнаго творчества, нужно выдѣлить формы, особыя отъ русскихъ. Эта работа въ существенныхъ чертахъ уже выполнена финнскимъ ученымъ г. А. Гейкелемъ въ его трудѣ: „Die Gebäuden der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen“ (Hels. 1888). За основаніе для хронологической классификаціи существующихъ у Мордвы и родственныхъ финновъ построекъ г. Гейкель принимаетъ формы огнища въ его послѣдовательномъ развитіи.

Древнейшей формой постройки снабженной огнищемъ является у Мордвы-Мокши овинъ (о в е н), срубъ, запущенный

¹⁾ Mainof. Les restes de la myth. Mord. 61.

въ яму, съ открытымъ огнищемъ по срединѣ и легкой надземной постройкой ¹⁾. Можно думать, что и первоначальная куд устраивалась такимъ-же образомъ. Между различными видами куды Мордва знаетъ мастыр-куд—землянку. Къ числу архаическихъ, но заимствованныхъ, можетъ быть, у тюркскихъ сосѣдей формъ лѣтняго жилья слѣдуетъ отнести, судя по названію, шалашъ—к о ш ѣ ²⁾.

Слѣдующую стадію представляетъ баня—полуземлянка, врытая въ береговой склонъ рѣки. Такая баня, имѣя одну открытую стѣну, снабжена уже печью, которая помѣщается въ углу стѣны, расположенной противъ двери, и обращена къ этой послѣдней, какъ къ единственному источнику свѣта устьемъ ³⁾. Въ баняхъ, устраивающихся на ровномъ мѣстѣ, на поверхности земли, печь сохраняетъ свое положеніе въ углу противъ двери, но обращается уже устьемъ не къ печи, а къ лѣвой отъ входа стѣнѣ, въ которой прорублено окно. Тѣ же положенія печь сохраняетъ и въ старой мокшанской избѣ (мокша-куд). Въ Тамбовской губерніи печь въ углу противъ двери г. Гейкель встрѣтилъ въ мещеряцкой деревнѣ Кирилово.

О такомъ устройствѣ старыхъ мордовскихъ избъ уже раньше были извѣстія въ литературѣ. Г. Гейкель ссылается на извѣстныя статьи Мельникова въ „Рус. Вѣстникѣ“ и нѣсколько другихъ ⁴⁾.

¹⁾ Первоначальное названіе такого огнища, кажется сохранилось въ названіи шестка толма (тол-огонь)-ланго. Ср. томба-ланго.

²⁾ У башкиръ кошемъ называется лѣтняя стоянка.

³⁾ Печь эта очень долгое время дѣлалась глинобитная. Судя по значенію названія паня — г(к)уд (сооруженіе, домъ для печенія) можно думать, что жилище съ печью возникло уже въ ту пору, когда Мордва познакомилась съ земледѣліемъ: паня имѣетъ одинъ корень съ глаголомъ панемс печь. Тоже значеніе, можетъ быть имѣетъ и другое названіе печи у Мокши петъня-гуд, если предположить что слово петъ-ня стоитъ въ связи съ русскимъ печь. Какой матеріалъ для исторіи мордовскаго огнища заключаетъ въ себѣ слово каштамо, служащее у Эрзи для обозначенія печи, сказать нельзя; существующіе словари не даютъ возможности опредѣлить корень слова и его значеніе.

⁴⁾ «Симб. Губ. Вѣд.» 1867, № 91; «Пенз. Губ. Вѣд.» 1862, 24 и «Донъ» 1886, 39

Болѣе распространенными и только въ мокшанскихъ деревняхъ г. Гейкель считаетъ избы съ печью въ одномъ изъ переднихъ угловъ устьемъ къ противоположащей стѣнѣ.

Нѣсколько подробностей относительно устройства старой мордовской избы г. Гейкель извлекаетъ изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ „Маякъ“ за 1845 г. (№ 4; 84—85). Въ сороковыхъ годахъ, судя по этой статьѣ, мордовскія избы ставились не фасадомъ, а бокомъ къ улицѣ и выходящая на улицу стѣна не имѣла оконъ. Окна прорубались только въ тѣхъ стѣнахъ, которыя выходили на дворъ.

Въ избу вели двѣ двери: одна отворявшаяся въ стѣни и другая низенькая, доходившая только до половины косяковъ въ избу. Противъ двери въ углу, выходящемъ на улицу, стояла глинобитная печь. Во время топки дверь въ стѣни приотворялась и дымъ выходилъ въ открытое пространство, остававшееся надъ второй.

Относительно оконъ въ старыхъ мокшанскихъ избахъ г. Гейкель отмѣчаетъ одну особенность: въ выходящей на улицу стѣнѣ окно помѣщается не по срединѣ стѣны, а ближе къ одному углу; эта особенность зависитъ отъ мѣста, занимаемаго печью; иначе не можетъ быть, когда она стоитъ въ одномъ изъ угловъ, выходящихъ на улицу.

Пола въ старыхъ мордовскихъ избахъ не было; мордвинъ довольствовался тѣмъ, что настилалъ на землю глины и тщательно уколачивалъ ее ¹⁾. Какъ переходъ къ русскому устройству половъ, г. Гейкель видѣлъ въ нѣкоторыхъ избахъ доски, насланныя прямо на землю. Свободное пространство между дверью и печью въ старыхъ мокшанскихъ избахъ занято было широкими низкими нарами (керспель), подъ которыми находилъ себѣ пріютъ мелкій домашній скотъ; на такихъ нарахъ

¹⁾ Избы съ землянымъ поломъ сохранились у Мордвы Казанской губернии до сихъ поръ. Свидѣтельствомъ того, что полъ въ былое время былъ неизвѣстенъ служитъ тотъ фактъ, что словомъ, обозначающимъ его у Мордвы, служить мастыр-земля.

устанавливалась по стѣнѣ къ двери кровать. Вдоль стѣны выходившей на улицу устанавливалась лавка, названіе которой (моргѣ-иземъ) даетъ право (?) г. Гейкелю предполагать, что тутъ-же прежде помещался и столъ. Въ настоящее время на этой лавкѣ въ углу помещается ручная мельница, а столъ стоитъ въ одномъ изъ угловъ по сторонѣ двери. Сидѣньями около стола служатъ конникъ и лавка. Конникъ извѣстенъ и въ русскихъ избахъ, но у Мордвы сохранилась, повидимому, та его форма, которая послужила для названія. Часть конника, обращенная къ двери, имѣла оригинальный заборчикъ (боранка). Доски, составляющія заборчикъ, сводились наверху такъ, что изображали грубое подобіе коня или какого нибудь другаго животнаго. Въ устройствѣ этого заборчика да еще въ обшивкѣ печи ниже шестка только и сказывались эстетическія потребности Мордвина, его стремленіе украсить свое жилище. Потребность украшать свой домъ рѣзьбой снаружи мы встречаемъ главнымъ образомъ у обрусѣвшихъ терюханъ Нижегородской губерніи.

При отсутствіи такъ называемаго плана въ устройствѣ поселковъ дома строились, какъ попало, но старыя избы дверью всегда были обращены къ солнечной сторонѣ—востоку или югу. Въ двери предѣлывалось оконце, которое открывалось при домашней молитвѣ¹⁾. Положеніе двери кромѣ религіозныхъ соображеній могло обуславливаться тѣмъ, что она была нѣкогда единственнымъ источникомъ свѣта.

Переходный типъ отъ „мокшанскаго“ дома къ „русскому“ г. Гейкель нашелъ въ одной избѣ въ Каргашинѣ. Печь стояла въ срединѣ правой стѣны отъ входа, пространство оставшееся между нею и стѣной на право отъ двери было заторожено и служило зимнимъ помещеніемъ для овецъ и телятъ.

Эрзя, болѣе обрусѣвшая сравнительно съ Мокшей, позабыла, по мнѣнію г. Гейкеля, старыя формы жилья и усвоила

¹⁾ 1. с. 26.

русскія. Въ Самарской губерні эрзянскія постройки тождественны съ русскими. Въ расположеніи надворныхъ построекъ старый порядокъ также мало сохранился, какъ и въ устройствѣ избы.

Въ Буинскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи нашъ авторъ составилъ на основаніи разсказовъ планъ стараго мордовскаго двора, особенность котораго заключалась въ томъ, что изба стояла посреди двора отдѣльно отъ остальныхъ построекъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ. Избы въ этомъ домѣ не имѣли сѣней, но печь въ ней стояла по русски въ углу отъ двери.

На основаніи плана, доставленнаго г. Гейкелю однимъ мордвиномъ-ученикомъ изъ Белебейскаго уѣзда Уфимской губерніи, можно заключать, что и здѣсь Мордва стремилась изолировать всѣ надворныя постройки, не сливая ихъ по русски въ кольцо. Изба на этомъ планѣ стоитъ отдѣльно отъ другихъ зданій и снабжена только сѣнями. Клѣть, житница, копушня, погребъ помѣщаются въ разсыпную по сторонамъ двора. Въ срединѣ двора помѣщается ямка—кардасъ-сярко, въ которую кладутся жертвы для бога-хранителя двора. Въ настоящее время такое устройство двора вслѣдствіе скученности и тѣсноты уступило мѣсто обычному русскому. Въѣзжая въ мордовскую деревню, путешественникъ по расположенію дворовыхъ построекъ не отличить ея отъ русской.

Мы принимаемъ схему развитія мордовскаго жилища, предложенную г. Гейкелемъ, но не видимъ основаній устанавливать особые типы мокшанскій и эрзянскій. Почтенный ученый имѣлъ недостаточный матеріалъ относительно Эрзи и потому счелъ ее совершенно позабывшей старыя формы жилья.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются планы старыхъ мордовско-эрзянскихъ избъ, доставленныхъ намъ бывшимъ учителемъ села Сабанчеева Алатырскаго уѣзда г. Лукинымъ и мы можемъ положительно констатировать, что старыя эрзянскія избы имѣли то-же внутреннее устройство, что и мокшанскія.

Текстъ, приложенный къ планамъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ указаній и мы воспроизводимъ здѣсь существенные его пункты буквально.

„Въ прежнее время видъ мордовскаго селенія былъ не таковъ, какой оно имѣетъ въ настоящее время. Мордва селилась, кто гдѣ хотѣлъ, безъ опредѣленнаго плана. Улицъ не было; были порядки дома въ три или четыре, между порядками были узкіе проулки. Жилыя избы „кудо“ помѣщались въ среднѣ двора и состояли изъ избы и сѣней, прочія же хозяйственные постройки строились отдѣльно, съ одной стороны двора; свободныя мѣста заносились высокими заборами. Надъ воротами устраивался сарай; въ другихъ мѣстахъ двора сараевъ не было.

Доски для строеній употреблялись колотыя. Крыши домовъ и другихъ построекъ были большею частью соломенные, на кровлю употребляли такъ же и „дрань“, т. е., тесъ не пиленный, а драный изъ сосноваго дерева.

Глиняныя печи съ топкой по „черному“ сохранились въ немногихъ избахъ. Такая печь имѣетъ сравнительно широкій шестокъ „томбамо ланга“. Противоположная сторона горнушки состояла изъ глиняной же стѣнки или просто заслонялась доской. Надъ шесткомъ укрѣплялся шестъ для сушки дровъ и лучины. Приспособленій для варки пицци, не разводя огня въ печи, не замѣчается. Можетъ быть шестъ надъ шесткомъ и служилъ для этой цѣли; если повѣсить котелокъ на шестъ, подъ котелкомъ на шесткѣ развести огонь, то можно удобно сварить пиццу. Въ настоящее время Мордва варитъ пиццу на шесткѣ, не разводя огня въ печи, слѣдующимъ образомъ: на шестокъ кладутъ камень, на который ставятъ чугуны, а около чугуна разводятъ огонь. Позднѣе печи по „черному“ устраивались съ кожухомъ, для того, чтобы пылъ изъ печи при топкѣ не выходилъ наружу. Съ боковой части печи, устраивалась „гаська ланго“—широкая лавка въ аршинъ и болѣе ширины, подъ ней была западня въ подполь „гаськас совсема варя“.

Лавка кругомъ до полу забивалась досками и представляла изъ себя ящикъ или ларь; съ узкой сторы отъ печи устраивалась дверца. „Гаська ланго“ служила для помѣщенія ягнать; верхъ служилъ для спанья. Высота „гаська ланго“ была въ половину печи“.

Изъ разсмотрѣнія плановъ г. Лукина читатель убѣдится, что въ старыхъ эрзянскихъ избахъ, какъ и въ мокшанскихъ, печь помѣщалась въ одномъ изъ противоположащихъ двери угловъ и была обращена устьемъ или къ двери (№ 2) или къ окну противоположной стѣны (№ 3). Перемѣстившись въ одинъ изъ угловъ у двери, она на первыхъ порахъ обращена была устьемъ къ противоположной боковой стѣнѣ, а не къ стѣнѣ противъ двери. Въ углу по ту или другую сторону двери, противъ устья печи, помѣщался столъ и божница. Въ новѣйшей литературѣ относительно Мордвы мы встрѣчаемъ извѣстия, что и въ эрзянскихъ избахъ она большою частію выходятъ во внутрь двора ¹⁾.

Избу съ расположеніемъ, соответствующимъ плану № 3, мы встрѣтили въ эрзянскомъ селѣ Тешнярь Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи. Эрзянскими—судя по присутствію на дворѣ кардась-сарко—слѣдуетъ признать и тѣ избы, планы которыхъ далъ г. Гейкелю мордвинъ Уфимской губерніи.

Какую форму имѣли сѣни старой мордовской куды, можно догадываться изъ ихъ названія—к у д - и к е л ь к с, к у д - ы н г е л ь (передъ дома). Тождественный по названію черемисскій к у д - о н д ж ы л представляетъ собою пространство, открытое съ лицевой стороны и защищенное выступомъ крыши сверху, выступами стѣнъ съ боковъ. Открытое преддверіе такого рода сохранилось при баняхъ у Пермяковъ и имѣло мѣсто въ старыхъ чувашскихъ и башкирскихъ избахъ.

Въ какой степени возстановленный выше типъ дома слѣдуетъ признать мордовскимъ, сказать опредѣленно въ

¹⁾ Мордовское село Лобаски (Ниж. губ. Сергач. у.). Ниж. Еп. Вѣд. 1887, стр. 735.

настоящее время нельзя. Старая мордовская изба отличается, конечно, от современной русской, но сохранится ли это различіе, когда мы поставимъ вмѣсто современной русской избы старинную, это еще вопросъ, который разрѣшится только тогда, когда мы будемъ хорошо знать устройство и исторію развитія старинной русской избы. Къ сожалѣнію мы мало до сихъ поръ занимаемся внѣшнимъ бытомъ русскаго народа и имѣемъ смутныя представленія не только объ исторіи русскаго дома, но даже о его современныхъ вариантахъ. Г. Гейкелю, впрочемъ, не безызвѣстно, что избы съ печью, обращенной устьемъ къ двери, Мельниковъ встрѣчалъ и въ русскихъ селеніяхъ Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерній ¹⁾).

Рядомъ съ куд'ой Мордва съ давнихъ поръ имѣла различныя виды клѣтей и другихъ хозяйственныхъ построекъ и у п а л ь—клѣть съ окнами, соотвѣтствующую русской горницѣ, у то м о собственно клѣть и л а т о—сарай и навѣсы. Въ настоящее время формы всѣхъ этихъ построекъ не отличаются отъ русскихъ, но въ пѣсняхъ упоминаются клѣти съ балконами, подобныя тѣмъ, которыя до настоящаго времени встрѣчаются у черемисъ. Картина стараго мордовскаго жилья будетъ закончена, если мы прибавимъ, что домъ и хозяйственные постройки ограждались у Мордвы заборомъ.

Вѣковое сожительство съ русскими отразилось на мордовскомъ домѣ помимо извѣстнаго уже намъ измѣненія плана внесеніемъ въ архитектуру художественнаго элемента—рѣзныхъ украшеній, которыми тѣмъ обильнѣе покрывается фасадъ мордовскаго дома, чѣмъ ближе мордовскія селенія къ тому русскому краю, въ которомъ русская народная архитектура достигла высшей ступени своего развитія—верхнему Поволжью. Наибольшую роскошь орнамента мы встрѣтили въ деревняхъ, расположенныхъ по почтовому тракту изъ Нижняго въ Арзамасъ.

¹⁾ 1. с. стр. 26. Прим. 2.

Оставляя по необходимости въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи старо-мордовской избы къ старо-русской, мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что избы одинаковаго устройства самъ г. Гейкель находилъ у Татаръ, а путешественники прошлаго вѣка указываютъ у Чувашъ. Описанный г. Гейкелемъ типъ жилья, стало быть, является общимъ для народностей Поволжья и его можно было-бы пока назвать волжско-булгарскимъ.

Меблировка старой мордовской избы была несложна. Ее составляли лавки, столъ и скамьи, сдѣланныя изъ цѣльнаго куска дерева съ подрубленными сучьями вмѣсто ножекъ (морга-иземъ).

Необходимую утварь и посуду мордвинъ въ былое время выдѣлывалъ самъ. Искусство дѣлать горшки (шакшъ) было извѣстно Мордвѣ съ давнихъ поръ. Горшки грубой работы составляютъ необходимую принадлежность старыхъ мордовскихъ могилъ. Деревянную посуду—чашки, ковши разнообразныхъ размѣровъ и формъ для личнаго употребленія и для жертвоприношеній Мордва приготовляла также сама, но той потребности украшать деревянные подѣлки рѣзбой, которая даетъ такую своеобразную фізіономію черемисскимъ и чувашскимъ издѣліямъ, у нея мы не видимъ.

Къ числу издѣлій, которыя мордвинъ съ давнихъ поръ приготовлялъ самъ, относятся простѣйшія орудія передвиженія, охоты и земледѣльческаго труда. Подобно всѣмъ своимъ восточнымъ родичамъ мордвинъ на первыхъ порахъ зналъ одно только орудіе передвиженія на сушѣ—сани (нурда(т)—ср. перм. нарт).

Воспоминаніе о томъ, что сани когда то употреблялись для перевозки тяжестей на сушѣ безъ различія времени года, сохранилось въ языкѣ: слово н у р т значитъ одновременно сани и возъ. Для передвиженія по водѣ мордвинъ умѣлъ готовить нѣсколько сортовъ лодокъ. Самъ онъ, конечно, выдѣлывалъ и лукъ со стрѣлами, съ употребленіемъ которыхъ онъ познакомился еще въ пору совмѣстной жизни съ осталь-

ными родичами. Переименованными здѣсь немного численными видами издѣлій ограничивалась у Мордвы до XVIII в. обработка лѣсныхъ продуктовъ.

Съ XVIII в. Мордва познакомилась съ изготовленіемъ поташа. Казенные поташные заводы принесли не мало огорченій предкамъ нынѣшняго поселенія Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерній, но за то Мордва присмотрѣлась къ дѣлу и въ настоящее время взяла его въ свои руки. Въ настоящее время въ Пензенской губерніи есть села, въ которыхъ оказывается до 20 владѣльцевъ поташныхъ заводовъ; таково напр. Новое Пшенево Инсарскаго у. ¹⁾.

Изъ техническихъ растений Мордва обрабатываетъ преимущественно коноплю. Сѣмя идетъ на изготовленіе масла, которое въ Нижегородской и Пензенской губерніи стало почти спеціальностью Мордвы, а волокна на производство необходимыхъ тканей. Обработка продуктовъ скотоводства сдѣлала въ послѣднее время у Мордвы нѣкоторые успѣхи. Въ Пензенской губерніи между Мордвой развиты валяльнй и шерстобитный промыслы ²⁾. Производство сукна представляетъ собою старинный мордовскій промыселъ. Подобно Чувашамъ и Черемисамъ, Мордва чаще всего употребляетъ бѣлое сукно.

Обработка металловъ остановилась у Мордвы на зачаточной ступени развитія. Ножи, топоры, стрѣлы, копья, огнива до XVIII вѣка, нужно думать, выдѣлывались мѣстными работниками, но въ XVIII в. инородцамъ было запрещено изъ политическихъ видовъ заниматься кузнечнымъ ремесломъ и Мордва отвыкла отъ него.

Область женскаго обрабатывающаго труда распространяется главнымъ образомъ на производство и окрашиваніе тканей и изготовленіе изъ нихъ различныхъ принадлежностей костюма.

Мордовки до настоящаго времени, изготовивъ пряжу, сами ее красятъ. Знакомство съ красильными веществами онѣ

¹⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1893, №

²⁾ *ibid.*

унаслѣдовали, по всей вѣроятности, еще отъ своихъ прабабокъ. Путешественники XVIII в. указываютъ растенія, которыми мордовскія женщины пользовались для окрашиванія пряжи— чертополохъ (пижелаома тикшедь) для окраски въ зеленый цвѣтъ, дрокъ въ желтый, марёна—въ малиновый, душица— въ алыи.

Женскій костюмъ Мордвы—вѣнецъ творчества мордовскихъ женщинъ—представляетъ весьма значительное разнообразіе формъ и можетъ сдѣлаться предметомъ самостоятельнаго этнографическаго этюда. До сихъ поръ не намѣчены еще ни варианты его, которые имѣютъ мѣсто на родинѣ Мордвы въ предѣлахъ одной и той-же племенной группы, ни границы ихъ распространенія. Наши собственныя наблюденія и данныя, найденныя нами въ литературѣ, позволяютъ установить, что даже въ предѣлахъ одной племенной группы у Мордвы, какъ и у Черемисъ, есть районы, различающіеся одинъ отъ другаго формами костюма—преимущественно головныхъ уборовъ.

Начиная нашъ обзоръ съ сѣвера, мы должны отмѣтить прежде всего „вѣнецъ“ обрусѣвшей терюханской Мордвы—уборъ, который сохранился у очень немногихъ мордочекъ и дается на прокатъ при вѣнчаніи. Его русское названіе вполне соотвѣтствуетъ формѣ. „Вѣнецъ“ состоитъ изъ проволочной діадемы, отъ которой на спину спускаются нитяныя висти, узинанныя ужевками. Спереди къ вѣнцу пришивается широкая лента изъ толстаго холста, узинанная серебрянными монетами. Отъ ушей до пояса и ниже спускаются такія-же ленты или ремни, узинанные деньгами—это такъ пазываемые плетни. Шея терюханки украшается обычными борками и сустугомъ—круглой фибулой, отъ которой на грудь спускаются нити, узинанныя бисеромъ и теньками.

Лѣтній повседневный костюмъ терюханки состоитъ изъ длинной рубашки и распашнаго широкаго кафтана, тождественнаго съ западно-черемисскимъ шушпаномъ по формѣ и по

названію. Шушпанъ имѣеть на рукавахъ широкую—вершковъ до 5—вышивку, узоры которой не имѣють ничего общаго съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ у остальной Мордвы. Рубашка имѣеть видъ прямаго мѣшка съ разрѣзомъ посрединѣ груди; подоль ея украшаются небольшою вышивкою. Мордва извѣстной намъ Борисовской волости скупа на вышивки, но А. Д. Смирновъ, наблюдавшій ее въ селахъ, сосѣднихъ съ Терюшевымъ, отмѣчаетъ расшитые красной и черной шерстями рубахи и головные уборы ¹⁾. Для болѣе холодной погоды у терюханокъ имѣется с е р м я г а—узкій до пояса и распиряющійся къ низу кафтанъ изъ бѣлаго самодѣльнаго сукна, украшенный по подолу узорами изъ шнура и раковинъ.

За Терюханами на В. и на Ю. идетъ Эрзя. Широко расплывшая свои поселенія, Эрзя по формамъ костюма можетъ быть раздѣлена на три группы, границы которыхъ мы намѣчаемъ только самымъ приблизительнымъ образомъ.

Первая группа охватываетъ на коренной территоріи Арзамаскской и Ардатовскій уѣзды Нижегородской губерніи, а на новыхъ, заволжскихъ мѣстахъ Ставропольскій уѣздъ Самарской губерніи (вѣроятно, и другіе смежныя съ нимъ), Стерлитамакскій Уфимской. Характерными принадлежностями костюма этой группы являются: 1) круглый вышитый бисеромъ кокошникъ въ видѣ полуцилиндра съ спускающейся на спину широкой унизанной блестками лопастью, 2) сдѣланные изъ толстой ткани и убранные рядами ужевокъ, бубенчиковъ и бусъ передникъ и назадникъ.

Слѣдующую крупную группу, которую по мѣсту ея на коренныхъ мордовскихъ земляхъ можно назвать восточной, образуютъ уѣзды Лукояновскій и Сергачскій Нижегородской губерніи, Саранскій Пензенской и примыкающіе уѣзды Симбирской губерніи. Эту группу характеризуютъ высокій, узкій, поднимающійся надъ лбомъ въ видѣ рога кокошникъ и такъ-

¹⁾ «Извѣстія» т. XI, вып. 3, стр. 286.

называемый пулагай—толстый бисерный, украшенный длинной черной бахромой назадникъ.

Третью маленькую группу образуетъ Эрзя Тамбовской губерніи. Кокосникъ этой группы по своей основной формѣ приближается къ кокоснику первой группы, но отличается отъ него характерными придатками по бокамъ, надъ ушами, въ видѣ свитыхъ изъ красныхъ нитокъ или шерсти мячей. Задняя часть кокосника отличается тѣмъ, что туляя его, если здѣсь идетъ это названіе, сверху сплошь унизана особаго рода мелкими мѣдными пуговицами и производитъ впечатлѣніе чувашской тохы. Мѣсто пулагая и длиннаго назадника здѣсь занимаетъ прикрѣпленная сзади къ поясу бисерная накладка. Неизвѣстную въ другихъ мѣстахъ принадлежность костюма этой группы составляетъ такъ называемая шубейка. Это сшитая изъ кумачу на легкой подкладкѣ и отороченная мѣхомъ безрукавка съ мѣховымъ воротникомъ. Несмотря на свое названіе, шубейка представляетъ собою принадлежность лѣтняго костюма и замѣняетъ собой шушпанъ.

Эрзянки носятъ тѣ-же по формамъ, но гораздо болѣе расшитые, чѣмъ у терюханокъ, шушпанъ и рубашку. Шушпанъ въ XVIII в. имѣлъ желтый цвѣтъ и широкіе (до полуаршина) рукава, въ настоящее время онъ дѣлается бѣлый и особенно богато расшивается на груди. Вышивка эта, когда полы сведены на груди, представляетъ широкій четырехугольникъ.

Въ костюмѣ Мокши мы замѣтили—по отношенію къ головномъ убору—три группы: сѣверозападную, которая захватываетъ сѣверную половину Краснослободскаго уѣзда (на С. отъ уѣзднаго города) и смежныя мокшанскія селенія Тамбовской губерніи, юго-западную, въ составъ которой входитъ южная часть Краснослободскаго уѣзда, и восточную, охватывающую собой Инсарскій уѣздъ. Первая группа употребляетъ панго, имѣющую видъ нѣскольکو срѣзаннаго черемисскаго тюрика (ш м а - ш о б ы ч), у второй еще не давно была въ употребленіи панго въ видѣ лопатообразныхъ черемисскихъ сорокъ;

третья группа употребляет панго, очень близкую по формѣ къ изображенной у Палласа и Георги ¹⁾).

Группы, намѣченныя нами, различаются и по другимъ особенностямъ костюма. Одинаковый по основной формѣ панаръ имѣетъ напр. у восточной группы широкую вышивку во всю длину рукава, которой мы не встрѣчаемъ на западѣ. Сравнительное изученіе покажетъ не мало другихъ мелкихъ варьянтовъ въ формахъ пояса, поясныхъ, грудныхъ и шейныхъ украшеній, но отмѣчать эти варьянты, не имѣя возможности сослаться на сопровождающіе текстъ рисунки, мы считаемъ почти бесполезнымъ и заключаемъ наши замѣчанія о мордовскомъ костюмѣ нѣсколькими общими замѣчаніями относительно его исторіи.

Въ томъ видѣ, какой панаръ имѣетъ у эрзянокъ, онъ чрезвычайно близокъ къ византійскому мужскому одѣянію, которое называется далматикомъ, дивитисіемъ или саккосомъ ²⁾. Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на эту близость въ виду того, что она бросается въ глаза: нижній разрѣзъ эрзянскаго панара представляетъ совершенную тождественность съ разрѣзомъ и украшеніемъ дивитисія. Съ другой стороны боковыя, сдѣланныя полуovalомъ вышивки мокшанскаго панара чрезвычайно близки къ таковымъ-же на туникахъ, которыя изображены на фрескахъ, открытыхъ въ новѣйшее время въ Кіевѣ и фигурировавшихъ въ копіи на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что это сходство не случайность, а пережитокъ того вліянія, которое имѣла Византія, а можетъ быть еще и греческія колоніи, на костюмъ народностей, населявшихъ южную и среднюю Россію. Что формы былой мужской одежды уцѣлѣли въ женской—этому не приходится удивляться. Сустугъ является въ настоящее время принадлежностью женскаго мордовскаго костюма, между тѣмъ въ XII в. онъ украшалъ вмѣстѣ съ грив-

¹⁾ Георги. Опис. всѣхъ народ. ч. I, стр. 44.

²⁾ См. изображеніе дивитисія въ «Byzantina» Д. Э. Бѣляева. II, таб. I.

нами и браслетами мужчин¹⁾; бисерное оплечье (цифксь), которое мы встрѣчаемъ у мокшанокъ, когда-то фигурировало также въ качествѣ принадлежности мужскаго костюма. Вопросъ о пути, которымъ попали къ Мордвѣ эти принадлежности южнаго, греческаго костюма, можетъ быть рѣшенъ на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя предлагаетъ намъ археологія. Бассейнъ Цна-Мокша-Ока съ первыхъ вѣковъ нашей эры находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ греческимъ югомъ: монеты римскихъ императоровъ, въ качествѣ случайныхъ находокъ, встрѣчались здѣсь уже давно. Въ 1892 г. членъ Императорской Археологической Коммисіи А. А. Спицынъ нашелъ византійскія монеты VIII—IX вѣка въ могильникѣ, который по характеру содержавшихся въ немъ вещей онъ признаетъ за мордовскій. Кое-что изъ принадлежностей своего костюма Мордва могла получить такимъ образомъ прямо отъ торговцевъ-грековъ. Вѣроятнѣе другое предположеніе: греки передали свой костюмъ русскимъ племенамъ днѣпровскаго бассейна; отъ нихъ его заимствовала Мордва и по свойственному финскимъ племенамъ консерватизму сохранила до нашего времени. Роль этихъ племенъ, какъ хранителей древне-русскихъ формъ костюма, жилья и многихъ другихъ сторонъ быта еще недостаточно оцѣнена, хотя матеріаль для этого уже имѣется.

Обзоръ творчества Мордвы въ области внѣшняго быта мы закончимъ тѣми зародышами искусства, которыя представляютъ собою вышивки, украшающія мордовскія одежды. Носительницей и выразительницей эстетическихъ потребностей является у Мордвы женщина. Мордвинъ равнодушенъ къ изящному; во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ преслѣдуетъ практическую цѣль. Сдѣлавши вещь пригодную для того или другаго употребленія, онъ не чувствуетъ потребности украсить ее. Побужденія, которыя заставляютъ чувашина и черемисина покрывать рѣзбой солоницы и поставцы, украшать изображеніями птицъ и животныхъ ручки своихъ ковшей, ему совер-

¹⁾ Уваровъ. Меря.

шенно чужды. Женщина проявляетъ сравнительно съ нимъ большую широту потребностей. Она не меньше чувашки и черемиски работаетъ надъ украшеніемъ своего костюма и проявляетъ въ этой области нѣкоторую долю оригинальности. Сравненіе эрзянскихъ и мокшанскихъ вышивокъ съ черемисскими и чувашскими показываетъ, что оригинальность эту въ бѣльшей степени обнаруживаетъ Эрзя, въ меньшей Мокша.

Эрзянскія вышивки рѣзко отличаются отъ черемисскихъ по своимъ мотивамъ. Холстъ зашивается почти сплошь нитками одного какого-нибудь цвѣта, чаще всего такъ называемымъ „бордо“. На этомъ основномъ фонѣ выступаютъ звѣздочки или квадратики какого-нибудь другаго цвѣта, чаще чернаго. Такого-же рода вышивка, широкой полосой спускается на рубашкѣ отъ пояса къ подолу, гдѣ около небольшого разрѣза она расширяется.

Вышивки мокшанскихъ рубашекъ и панго обнаруживаютъ своими мотивами значительную близость къ чувашскимъ и черемисскимъ. На тюркообразныхъ панго Краснослободскаго уѣзда, на рукавахъ, плечахъ, обшлагахъ и подолахъ рубашекъ Краснослободскаго и Инсарскаго уѣзда мы встрѣчаемъ обычные у Черемисъ и Чувашъ стилизованные розетку и крестъ. Эта однородность узоровъ обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ прошлое. Старинная рубашка Инсарскаго уѣзда и по узорамъ вышивокъ и по общему стилю гораздо ближе къ черемисскимъ, чѣмъ позднѣйшія. Въ то время, какъ на широкихъ рукавныхъ вышивкахъ старыхъ рубашекъ встрѣчаются крестъ и розетка, рукава новѣйшихъ рубашекъ, какъ и въ Краснослободскомъ уѣздѣ, зашиваются сплошнымъ узоромъ, который чаще всего имѣетъ видъ переплетающихся лентъ двухъ цвѣтовъ.

Это родство мокшанскихъ и черемисскихъ вышивокъ представляетъ любопытный матеріалъ для уясненія былыхъ отношеній Мордвы къ народностямъ Поволжья. Въ настоящее время въ сосѣдствѣ съ Чувашиами и Черемисами живетъ Эрзя

Симбирской и Нижегородской губерніи, сосѣдями же Мокши являются, кромѣ Эрзя, Русскіе и Татары. То же взаимное положеніе народностей мы должны будемъ констатировать, если обратимся къ свидѣтельствамъ исторіи. Эрзя и Терюхане были сосѣдями Черемисъ въ XVIII, XVII и XVI вв. Исходя изъ этихъ фактовъ, мы должны были-бы ожидать, что не Мокша, а Эрзя обнаружитъ большую близость къ Черемисамъ и Чувавамъ. Объяснить кажущееся несоотвѣтствіе фактовъ мы можемъ только при помощи двухъ предположеній: или Мокша когда-то, раньше, чѣмъ Эрзя, жила рядомъ съ Черемисами или черемисско-чувашскія формы орнамента ей переданы какой-нибудь другой народностью—напр. Буртасами, которыхъ, какъ мы уже видѣли, можно считать родичами Чувашъ. Въ виду скудости нашихъ свѣдѣній о Буртасахъ мы охотнѣе склоняемся въ пользу перваго предположенія. За него говорить кое-какіе факты. Въ брошюрѣ „Этнографія по Казанской научно-промышленной выставкѣ“ мы отмѣтили тотъ фактъ, что родственныя съ мордовскими и преимущественно мокшанскими формы головнаго убора оказываются у Черемисъ Вятской губерніи, несомнѣнно ранѣе своихъ приволжскихъ родичей выступавшихъ изъ своей первоначальной родины—съ береговъ Оки ¹⁾).

Къ этому-то періоду, когда Черемисы жили по нижнему теченію Оки, а Мокша примыкала къ нимъ, занимая бассейнъ рѣки того-же названія, и можно отнести съ извѣстной вѣроятностью, общія формы орнамента рядомъ съ нѣкоторыми общими формами костюма.

¹⁾ Стр. 15.

ГЛАВА III.

Семейныя и общественныя отношенія.

Въ очеркахъ „Черемисы“, „Вотяки“ и „Пермяки“ мы намѣтили тѣ ступени, которыя прешла въ своемъ развитіи восточно-финская семья. Исторія мордовской семьи въ общихъ чертахъ шла тѣмъ-же путемъ. И здѣсь современнымъ формамъ, которыя созданы христіанствомъ, дѣйствующимъ каноническимъ правомъ и выработавшимся на этой почвѣ понятіями, предшествовали иныя, архаическія формы. Первые намеки на эти формы мы находимъ въ мордовской терминологіи общественныхъ отношеній. Читатель легко намѣтитъ ихъ самъ, всмотрѣвшись въ приводимые ниже термины.

Мокша.

Эрзя.

А ля мужчина, отецъ старшій

(эрз. мужиель); од-а. вотчимъ т е т е й

о ц ю - а л'а дѣдъ (М.)

п о к ш - т е й, б о д я

а т'а дѣдъ, самецъ (эрз. ста-

=

риель, хозяинъ)

а т а'й дядя по отцу или ма-

тери.

д э д я м а т ь

а в а й

о ц ю - д э т а'й бабка

б а б а й.

ц ъ р а сынъ, парень, юноша

=

с т и р ь дочь, дѣвушка

т е х т е р ь

н у к о внукъ

н у т ь к а внучка.

О т ц а й дядя старше отца п о к ш а й
п а т я дядя моложе отца, стар- п а т а 'й тетка, старша сест-
шій братъ, двоюродный братъ ра, двоюродная, сестра (=

(отъ дяди).

р я ш ь).

л е л я й старшій братъ, дядя
по отцу.

а л а 'й старшій братъ (М.); ал'а
ка й

а л 'к а й

я л а к с ь младшій братъ ¹⁾

б а ч к а младшій братъ и пле-
мянница

щ а к а й тетка

а к а й женщина старше дан-
наго лица — сестра, тетка,
племянница, сестра матери
с а з о р младшая сестра, невѣст-
ка, свояченица, племянница

а в а, жена, замужняя женщи- а в а, н и
на, мать, самка

э р ь в е жена; ср. одирьва — у р ь в а, у р 'а ш (невѣстка)
невѣстка, молодухка, вто-
рая жена.

э р ь в е н е невѣста

о д - е р ь в а невѣста

с о д а м о женихъ

м и р 'д э мужъ

м и р 'д э, п о л а й, в а с т а (ср.
в а с т о м с —сходиться)

о в з я т ь, пасынокъ

с о д а м о

¹⁾ Изъ слова пельнерва — младшая сношенница, жена младшаго брата можно, кажется, еще извлечь слово для обозначенія младшаго брата — пельне, пель. Ср. лопар. велль, чер. шумбель.

Свойство по женѣ.

А т я - в и з т е с т ь	В а т а с ь
а в а - в и з т е щ а	
п а л д а с м л а д ш а я с в о я ч е н и ц а ,	б а л ' д у з
б а з ' а , б а ж а й ш у р и н ь	б а л ' з ' а , л ' а л ' а й
	б а ч к а м л а д ш и й ш у р и н ь .

Свойство жены по мужу.

а т ' а й с в е к о р ь , а т ' а в и з	а т ' а в т , н и з а н ' а (?)
а в а й с в е к р о в ь (б а б а) , а в а в и з	а в а в т
к е ф ' т а д е в е р ь	а л ' а й , п а р ь е д ь
а л ' г е с т а р ш и й д е в е р ь (М а й н .	ш и т ц е (М а й н .)
а т ' а й)	
м а з ' н е , й о л м а - а т а й м л а д ш и й	п а р а ч ь
д е в е р ь	
в а ж ' н е с а м ы й м л а д ш и й	к і я л ю н ь
у л м а н ь , в и н ь д е р н я й	
з о л о в к а	
а к л ' а й , й о л м а с т и р ь (М а й н .)	а в н е
з о л о в к а с т а р ш е м у ж а , с т а р -	
ш а я с н о ш е н н и ц а .	
с т ы р ж а й м л а д ш а я з о л о в к а	п а р ь я
к а с т ы р ж а й с а м а я м л а д ш а я	
к е л - а в а , к і я л ю — с н о ш е н -	
н и ц а .	

Изъ разсмотрѣнія предложенной таблицы читатель можетъ убѣдиться, что Мордва, подобно остальнымъ финскимъ племенамъ волжско-камскаго бассейна, не выработала специальныхъ терминовъ для обозначенія кровныхъ отношеній, соединяющихъ мальчика или дѣвочку съ кѣмъ либо изъ взрослыхъ: сынъ обозначается тѣмъ-же словомъ, что и всякій молодой человѣкъ вообще, дочь тѣмъ-же словомъ, что и всякая дѣвушка¹⁾. Какъ Вотяки и Черемисы, Мордва различаетъ, далѣе,

¹⁾ Ср. наши «Черем.» стр. 99 («Изв.» т. VII), «Вог.» стр. 130—131.

не степени родства, а отношенія возраста; словъ, соотвѣтствующихъ русскимъ: дѣдъ, бабка, дядя, тетка, племянникъ, братъ, сестра, внучъ, внучка въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ, но за то мы встрѣчаемъ у Эрзи и Мокши рядъ словъ, которыя служатъ для обозначенія лицъ старше и моложе даннаго лица: покштей э., оцю аля дѣдъ, оцай м., покшай э. = дядя старше отца, патяй, ала́й м. л'алай, алькай э. = дядя моложе отца, старшій братъ двоюродный братъ, акай м., патяй э. тетка, старшая сестра, двоюродная сестра, сáзор э. м. = младшая сестра, племянница. Мы не разъ уже имѣли случай разъяснять значеніе этой своеобразной терминологіи. Она является памятникомъ первобытныхъ семейно-общественныхъ отношеній.

На самой ранней ступени своего развитія мордовская семья, судя по терминологіи, представляла собою союзъ лицъ, связанныхъ между собою тѣмъ, что они жили подъ одной кровлей. Обладаніе женщиной въ этомъ союзѣ еще не было индивидуализировано: а в а м., ни э. означаетъ не жену въ смыслѣ супруги даннаго лица, а вообще зрѣлую женщину; э р ь в е м., у р ь в а э. — вообще женщину, взятую въ извѣстную семью: жену, сноху. Вслѣдствіе того, что пары особей, которыя находились бы въ постоянныхъ отношеніяхъ, въ немъ еще не выдѣлились ясно, отдѣльный членъ его не въ состояніи былъ выдѣлить свое потомство, точно опредѣлить степень близости, въ которой онъ находился къ окружающимъ и дѣлил ихъ на группы по возрасту: женщинъ и мужчинъ старше себя, женщинъ и мужчинъ моложе себя. На этомъ уровнѣ отношеній не могло быть, понятно, мѣста для какихъ бы то ни было ограниченій полового инстинкта: представленіе о томъ, что данная особь не должна вступать въ половыя сношенія съ тѣмъ-то и тѣмъ-то изъ окружающихъ, не зарождалось еще и не имѣло для себя почвы. Границы инстинкту ставилъ только возрастъ.

Отголосками этого порядка вещей до сихъ поръ служатъ внѣбрачныя отношенія молодежи. Теоретически, въ лицѣ своихъ

наиболѣе обрусѣвшихъ представителей, Мордва признаетъ, что половая жизнь женщины должна начинаться съ момента вступленія въ бракъ, но практика массы далеко не соответствуетъ этому идеалу. Дѣвушка начинаетъ вступать въ сношенія съ молодыми людьми съ момента наступленія половой зрѣлости—лѣтъ съ 14. До брака, который наступаетъ лѣтъ въ 20—25, она успѣваетъ ознакомиться съ многими изъ своихъ молодыхъ однопороденцевъ. Если результатомъ внѣбрачнаго сожителства является рожденіе ребенка, это обстоятельство не шокируетъ родителей дѣвушки. Майновъ въ своихъ „Очеркахъ юридическаго быта Мордвы“ приводитъ рядъ пословицъ, въ которыхъ сказывается спусходительное отношеніе Мордвы къ дѣвичьимъ грѣхамъ. Подобно другимъ восточно-финнамъ мордвинъ прощаетъ внѣбрачное рожденіе ребенка въ виду того, что онъ является приращеніемъ семьи¹⁾. Родство не служитъ препятствіемъ для устанавленія этихъ кратковременныхъ отношеній. Двоюродные братъ и сестра зачастую оказываются въ внѣбрачной связи. Въ Инсарскомъ уѣздѣ намъ указывали на случаи, когда родственныя связи жившихъ такимъ образомъ паръ оказывались болѣе тѣсными: въ двухъ деревняхъ внѣбрачныя отношенія соединяли брата и сестру. Связь съ женой брата здѣсь также считается довольно обычнымъ явленіемъ.

Отсутствіе ограниченій, которыя могла бы ставить инстинкту мысль объ общемъ происхожденіи, характеризующее эти внѣбрачныя отношенія, переживаетъ эпоху гетеризма; его можно прослѣдить и въ начальной исторіи брачнаго союза. Предпринимая индивидуализировать обладаніе женщиной при помощи извѣстныхъ обрядовъ, мордвинъ былой, языческой поры не считалъ близкаго родства препятствіемъ для заключенія союза. У Эрзи Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи сохранилось преданіе, что въ старину братъ могъ жениться на сестрѣ²⁾. У Эрзи Симбирской губерніи также сохранились преда-

¹⁾ Майновъ I. с. 22.

²⁾ «Ниж. Еп. Вѣд.». 1887, стр. 677.

нія, что въ старину возможна была женитьба брата на родной сестрѣ. Учитель села Дубенокъ сообщаетъ намъ слѣдующій рассказъ мѣстной Мордвы. Въ одномъ семействѣ была очень красивая дѣвушка, смиренная, работающая. Родителямъ жалко было съ ней разстаться, отдать въ чужую семью замужъ; они отослали ее погостить къ родственникамъ, а когда она возвратилась, приняли ее, какъ чужую, и принудили съ этого времени считать родного брата мужемъ.

Мотивъ о брачномъ союзѣ сестры съ братомъ слышится и въ слѣдующей мордовской пѣснѣ.

Уля, Уля, красивая Улюшка!

Въ день Коляды она мытія замочила,

Въ день Рождества она мыть ходила.

Пришла Уля домой съ мытья.

Отцевскія ворота заперты.

«И отопри, и отопри, воспитавшая меня матушка,

И озябли, и озябли рученьки мои,

Еще сильнѣе озябли ноженьки мои».

—«Если назовешь невоспитавшей матушкой,

Тогда отопру, тогда тебя впущу.

И отопри, и отопри воспитавшій меня батюшка.

И озябли и т. д.».

—«Если назовешь меня своимъ свекромъ,

Тогда отопру, тогда тебя впущу».

«И отопри, и отопри, кормилецъ мой старшой братецъ?

И озябли и т. д.».

—«Если назовешь меня своимъ старшимъ деверемъ,

Тогда отопру, тогда тебя впущу».

«И отопри, и отопри, невѣстущка матушка!»

.

—«Если назовешь меня сношеницей,

Тогда отопру, тогда тебя впущу».

«И отопри, и отопри кусочекъ моего сердца,

Впусти ка меня сердечный жирушка!»

.

—«Если назовешь меня милымъ муженькомъ,

Тогда отопру, тогда тебя впущу».

Дѣвушка называетъ всѣхъ этихъ лицъ такъ, какъ они требуютъ:

И отперъ ей ея милый мужъ,
 Кусочекъ отъ ея сердца
 И впустилъ ее въ теплую избу.
 Войди-ка, милая душечка, войди-ка!
 Войди-ка, Уля, войди-ка!
 Вошла Уля въ теплую избу,
 Съла Уля на край печки.
 «Печка-матушка, кормилица,
 Печка-матушка, родимая!
 Расколись ты на двое
 Пусти-ка меня въ подземелье!»
 Расколосась печка на двое,
 Пошла Уля въ подземелье
 Выпросила она рубашку кусочку своего сердца ¹⁾

Свойство также не служило препятствіемъ для заключенія брачнаго союза въ ту пору, когда обладаніе женщиной индивидуализировалось. Лепехинъ говоритъ, что мордва въ языческую пору не считала грѣхомъ брать въ жены двухъ родныхъ сестеръ одну за другой. Воспоминанія объ этомъ обычаѣ сохранилось и въ пѣсняхъ.

Богатъ, богатъ ди Захарій!

 Померла, сгнбла жена его.
 Гдѣ ходитъ—онъ плачетъ,
 Гдѣ ходитъ—онъ сокрушается.
 Кто увидалъ его, какъ онъ плачетъ,
 Кто услыхалъ его, какъ онъ сокрушается?
 Его увидала свояченица его Матря.
 «Куда вздумалъ, Захарій мой, ты такъ?»
 —«Вздумалъ я, Матря свояченица, себѣ жену искать.»
 «Почему ты, мой Захаръ, ходишь по дальности:
 Айда возьми меня самое, Захаръ ты мой».

 «Взялъ Захарина свою свояченицу Матрю.

¹⁾ Произведенія морд. народной словесн.-Пѣсни. Стр. 213—219.

Такой-же брак рисуется въ пѣснѣ о старомъ Губай, но здѣсь онъ готовится уже противъ воли свояченицы.

«Возьму, возьму, Окся свояченица, тебя за себя».
 «Не пойду, не пойду, старый Губай!
 До одинаго посѣдѣли волосы головы твоей,
 До рта посѣдѣла борода твоя.
 Отъ какой нужды посѣдѣли они?»
 Возьму, возьму въ караульщицы,
 Возьму тебя въ домовницы!»

Въ прошломъ столѣтіи обычай женитьбы на свояченицѣ былъ въ полной силѣ. О немъ свидѣтельствуютъ Лепехинъ и Мильковичъ. По словамъ Лепехина овдовѣвшій мордвинъ, если у него была свояченица, являлся къ тестю и требовалъ выдачи свояченицы. Если тесть отказывалъ, зять старался незамѣтно вынуть изъ подъ полы коровай хлѣба и положить его на столъ. Совершивши съ успѣхомъ эту операцію, зять спѣшилъ обратиться, крикнувъ тестю: „вотъ хлѣбъ соль, береги мою энай“. Съ этой минуты тесть уже не могъ отказать ему въ руки свояченицы (1, 173). Тоже самое, по словамъ Мильковича, дѣлалось въ Симбирской губерніи (М. 46).

Переходъ отъ связей, основанныхъ на сожительствѣ къ связямъ, основаннымъ на происхожденіи, представляетъ такъ называемый матриархатъ. Первымъ сочетаніемъ, которое поκειται на всѣмъ признаваемой генетической связи, является группа, состоящая изъ матери и ея дѣтей. Мордва не сохранила ни въ своихъ обрядахъ, ни въ своихъ пѣсняхъ такихъ воспоминаній объ эпохѣ преобладающаго значенія матери, какія мы встрѣчаемъ у Вотяковъ, но отголоски этой эпохи до насъ все-же дошли—въ особенностяхъ религіозныхъ воззрѣній на природу, въ терминологіи родства и въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ чертахъ.

Представленія объ отношеніяхъ духовъ (боговъ) къ явленіямъ природы прошли у Мордвы, какъ и у другихъ восточныхъ финновъ, двѣ стадии развитія: на первой, болѣе древней

Дѣвушка называетъ всѣхъ этихъ лицъ такъ, какъ они требуютъ:

И отперъ ей ея милый мужъ,
 Кусочекъ отъ ея сердца
 И впустилъ ее въ теплую избу.
 Войди-ка, милая душечка, войди-ка!
 Войди-ка, Уля, войди-ка!
 Вошла Уля въ теплую избу,
 Сѣла Уля на край печки.
 «Печка-матушка, кормилица,
 Печка-матушка, родимая!
 Расколись ты на двое
 Пусти-ка меня въ подземелье!»
 Раскололась печка на двое,
 Пошла Уля въ подземелье
 Выпросила она рубашку кусочку своего сердца ¹⁾

Свойство также не служило препятствіемъ для заключенія брачнаго союза въ ту пору, когда обладаніе женщиной индивидуализировалось. Лепехинъ говоритъ, что мордва въ языческую пору не считала грѣхомъ брать въ жены двухъ родныхъ сестеръ одну за другой. Воспоминанія объ этомъ обычаѣ сохранилось и въ пѣсняхъ.

Богатъ, богатъ ли Захарій!

 Померла, сгнбла жена его.
 Гдѣ ходитъ—онъ плачетъ,
 Гдѣ ходитъ—онъ сокрушается.
 Кто увидалъ его, какъ онъ плачетъ,
 Кто услыхалъ его, какъ онъ сокрушается?
 Его увидала свояченица его Матря.
 «Куда вздумалъ, Захарій мой, ты такъ?»
 —«Вздумалъ я, Матря свояченица, себѣ жену искать.»
 «Почему ты, мой Захаръ, ходишь по далькости:
 Айда возьми меня самое, Захаръ ты мой».

 «Взялъ Захарина свою свояченицу Матрю.

¹⁾ Произведенія морд. народной словесн.-Пѣсни. Стр. 213—219.

Такой-же брак рисуется въ пѣснѣ о старомъ Гобаѣ, но здѣсь онъ готовится уже противъ воли свояченицы.

«Возьму, возьму, Окся свояченица, тебя за себя».

«Не пойду, не пойду, старый Губай!

До одинаго посѣдѣли волосы головы твоей,

До рта посѣдѣла борода твоя.

Отъ какой нужды посѣдѣли они?»

Возьму, возьму въ караульщицы,

Возьму тебя въ домовницы!»

.

Въ прошломъ столѣтіи обычай женитьбы на свояченицѣ былъ въ полной силѣ. О немъ свидѣтельствуютъ Лепехинъ и Мильковичъ. По словамъ Лепехина овдовѣвшій мордвинъ, если у него была свояченица, являлся къ тестю и требовалъ выдачи свояченицы. Если тесть отказывалъ, зять старался незамѣтно вынуть изъ подъ полы коровай хлѣба и положить его на столъ. Совершивши съ успѣхомъ эту операцію, зять спѣшилъ убраться, крикнувъ тестю: „вотъ хлѣбъ соль, береги мою энай“. Съ этой минуты тесть уже не могъ отказать ему въ руки свояченицы (1, 173). Тоже самое, по словамъ Мильковича, дѣлалось въ Симбирской губерніи (М. 46).

Переходъ отъ связей, основанныхъ на сожительствѣ къ связямъ, основаннымъ на происхожденіи, представляетъ такъ называемый матриархатъ. Первымъ сочетаніемъ, которое покоится на всѣми признаваемой генетической связи, является группа, состоящая изъ матери и ея дѣтей. Мордва не сохранила ни въ своихъ обрядахъ, ни въ своихъ пѣсняхъ такихъ воспоминаній объ эпохѣ преобладающаго значенія матери, какія мы встрѣчаемъ у Вотяковъ, но отголоски этой эпохи до насъ все-же дошли—въ особенностяхъ религіозныхъ воззрѣній на природу, въ терминологіи родства и въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ чертахъ.

Представленія объ отношеніяхъ духовъ (боговъ) къ явленіямъ природы прошли у Мордвы, какъ и у другихъ восточныхъ финновъ, двѣ стадіи развитія: на первой, болѣе древней

стадіи, слѣды которой сохранились наиболѣе у Мокши, явленія оказываются связанными съ божествами отношеніями рожденія, на второй отношеніями власти, обладанія. При этомъ замѣчается, что Мокша, зная духовъ—отцовъ и матерей, съ бѣльшимъ почтеніемъ относится къ матерямъ: имена юртавы, куд-авы, вирь-авы, ведь-авы мы слышимъ на каждомъ шагу, между тѣмъ, какъ юрт-атя, куд-атя, вирь-атя и д. т. упоминаются рядомъ съ авами лишь въ наиболѣе полныхъ молитвенныхъ формулахъ.

Воспоминаніемъ о быломъ матернитетѣ является далѣе особая терминологія для родства по матери.

щатай дѣдъ по матери

щакай жена дяди

щеняй двоюродный братъ, сынъ брата матери.

Къ числу признаковъ былого матернитета мы относимъ, слѣдуя Тайлору ¹⁾ и тотъ фактъ, что Мордва знала, судя по смѣшенію понятій пасынка и зятя, время, когда мужъ входилъ въ родъ своей жены.

Къ фактамъ, зарожденіе которыхъ восходитъ къ эпохѣ матриархата, принадлежитъ наконецъ въ прошломъ выдающаяся роль брата—какъ покровителя женщины и до извѣстной степени хозяина ея судьбы. Въ мордовскомъ свадебномъ обрядѣ сохранилось не мало намековъ на такую роль братьевъ.

У Эрзи Бугульминскаго уѣзда, прощаніе невѣсты съ родственниками обставлено такъ, какъ будто братья насильственно принуждаютъ ее къ этому: братья вносятъ ее въ избу и выносятъ, невѣста-же держитъ руки скрещенными на груди въ знакъ того, что она подчиняется только силѣ ²⁾. Въ пританіяхъ Эрзи Саратовской губерніи сквозитъ мысль, что братъ былъ кормильцемъ невѣсты въ пору ея дѣвчества ³⁾.

¹⁾ «Этногр. Обзор». V, 7—8.

²⁾ Майновъ. I. с. 62, 72.

³⁾ *ibid.* 64, 92.

Первыя видоизмѣненія матриархальнаго порядка возникли на почвѣ захвата женщинъ чужаго рода. Отраженіе того, что происходило въ далекомъ прошломъ, можно наблюдать въ современныхъ брачныхъ обрядахъ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождается увозъ невѣсты изъ дома отца. Этотъ моментъ наполненъ переживаніями изъ эпохи умыканія невѣсты.

Въ настоящее время группа лицъ, которая составляетъ отправляющійся за невѣстой поѣздъ состоитъ изъ урведей и такъ называемыхъ кудà съ покш-куда во главѣ. Въ литературѣ эти термины обыкновенно переводятся словами дружка, поѣзжане, но этотъ переводъ только приблизительный. Той идеи, которая заключается въ русскомъ словѣ „друга“, урведей въ себѣ не заключаетъ. Корень этого слова одинъ и тотъ же, что и у слова урва, урень. Намъ кажется, его можно передать словами добыватель рабыни (снохи). Что касается кудà, то въ виду невыработанности въ мордовской грамматикѣ ученія о суффиксахъ, трудно сказать, имѣетъ-ли онъ отношеніе къ слову куд (куда), означаящему избу, и можно ли его переводить словомъ домашній.

Урведей съ своими кудат въ Симбирской губерніи съ вечера пріѣзжаетъ за невѣстой, а лѣтомъ останавливается таборомъ около околицы—какъ дѣлалось это въ старину, когда невѣсту дѣйствительно похищали. Въ домъ невѣсты они являются уже не ночью, а раннимъ утромъ и проникаютъ въ него только послѣ подачи. Здѣсь ихъ угощаютъ, невѣста скоро прощается съ родными, поѣзжане подхватываютъ ее, тащатъ въ кибитку и везутъ—въ настоящее время въ церковь, въ языческую пору, конечно, прямо въ домъ жениха.

Преданія и рассказы стариковъ показываютъ, что современные обряды являются отголоскомъ того, что происходило при дѣйствительномъ похищеніи. Въ районѣ села Великаго Врага Арзамасскаго у. на краю лѣснаго урочища Моргуша стояло некогда два болвана, выдѣланныхъ на подобіе мужчины и

женщины изъ стоявшихъ на корню древесныхъ стволовъ въ память совершеннаго тутъ убійства жениха и невѣсты. Мордвинъ деревни Корина похитилъ для своего сына дѣвушку въ Великомъ Врагѣ. Родные нагнали ихъ въ Моргушѣ; завязалась драка, которая кончилась тѣмъ, что женихъ и невѣста оказались убитыми ¹⁾. О дракахъ и убійствахъ, которыя происходили при похищеніи, помнятъ и въ селѣ Лобаскахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегород. губ. ²⁾. Въ Инсарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи помнятъ время, когда дѣвушекъ хватали на улицахъ и тащили къ себѣ домой.

Источники, которыми мы располагаемъ, не даютъ намъ возможности намѣтить условія, создавшія захватъ: возникъ ли онъ на почвѣ нужды въ женщинахъ, въ которой могли оказываться отдѣльныя роды, или явился однимъ изъ послѣдствій борьбы родовъ вообще. Только языкъ позволяетъ сдѣлать догадку, что чужеродная женщина первоначально входила въ домъ рабочей силой, рабыней. Терминъ, которымъ въ мордовскомъ языкѣ обозначается сноха, стоитъ повидимому, въ родствѣ съ терминами, означающими рабыню: сноха эурьва, замужня женщина, рабыня урень, рабъ ура ³⁾. Въ эрзянскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, опубликованныхъ М. Е. Евсевьевымъ мы встрѣчаемъ для замужества терминъ вардосши, который можно перевести словами дни рабства въ виду того, что въ эрзянскомъ нарѣчій слово варданка означаетъ служанку, невѣсту.

По отношенію къ рабынѣ возможенъ уже былъ вопросъ о томъ, кому она должна принадлежать, всѣмъ мужчинамъ рода или комунибудь одному. То или другое рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось похищеніе, всѣ ли мужчины дома отправлялись на охоту за женщиной или одинъ.

¹⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1886, № 10, стр. 9.

²⁾ *ibid.* 1887, № 14, стр. 727.

³⁾ Въ рукописномъ словарѣ г. Евсевьева мы встрѣчаемъ слово уре—работникъ, замужня женщина.

У Черемшанской Мордвы въ прошломъ столѣтїи похищаль самъ женихъ, подговоривши нѣсколько товарищей и выслѣдивши дѣвушку на базарѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ (Лепех. I, 174). Въ тѣхъ случаяхъ, когда похищеніе только симулировалось, дѣятелями являлись дружка и поѣзжане (175). Во главѣ поѣзда находились отецъ или братъ жениха. Избу и находящихся въ ней родственниковъ невѣсты при этомъ запирали снаружи.

Въ настоящее время фиктивное похищеніе совершается при самыхъ разнообразныхъ условїяхъ. Въ однихъ случаяхъ умыкаетъ дѣвушку глава семьи съ своими домочадцами ¹⁾, въ другихъ женихъ съ подобранными товарищами ²⁾, въ третьихъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ женихъ единолично ³⁾. У Эрзи Симбирской губерніи похитителями невѣсты являются совершенно постороннія лица, опытные въ этомъ дѣлѣ ⁴⁾. И современный ритуаль и кое-какія данныя исторїи позволяютъ однако констатировать, что обладаніе похищенной индивидуализировалось не сразу, что даже похищенная женщина была нѣкоторое время если не общимъ достояніемъ всего рода, то по крайней мѣрѣ главы его наравнѣ съ тѣмъ изъ членовъ рода, въ чье исключительное пользованіе она назначалась номинально.

Въ свадебномъ мордовскомъ ритуалѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что жертвами символическаго насилїя является не одна сторона, а обѣ. Если невѣста всячески отбивается отъ поѣзжанъ, покидая отцовскій домъ, то женихъ, завидя брачный поѣздъ, бѣжитъ опрометью на дворъ и прячется гдѣ нибудь въ клѣтѣ, на сѣновалѣ или въ другомъ какомъ укромномъ мѣстѣ и съ полнымъ безучастїемъ относится къ появленію въ домъ его будущей жены ⁵⁾. Въ с. Кузоватовѣ Сенгилеевскаго уѣзда и Савкинѣ Хвалынскаго у. Са-

¹⁾ Майн. I. с. 81.

²⁾ *ibid.* 87, 92.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд.

⁴⁾ Сообщ. г. Лукинымъ.

⁵⁾ Ниж. Г. В. 1865, № 24.

ратовской губерніи женихъ лежитъ во время появленія невѣсты на палатахъ спокойно. Это безучастіе женихъ сохраняетъ до самаго отъѣзда въ церковь: пока идутъ приготовленія къ отъѣзду, онъ спокойно занимается домашними дѣлами. Въ нужный моментъ его отыскиваютъ и везутъ въ церковь. Когда обрядъ оканчивается, женихъ снова возвращается къ тому дѣлу, отъ котораго его оторвали ¹⁾.

Съ наибольшей рельефностью сказывается стремленіе жениха спрятаться въ моментъ привода невѣсты въ его домъ у Нижегородской Мордвы. Мельниковъ рассказываетъ, что едва только оканчивался обрядъ вѣнчанія, женихъ отходилъ въ сторону, украдкой выходилъ изъ церкви и сѣвши на первую попавшуюся телѣгу мчался во всю прыть по деревнѣ и прятался у когонибудь изъ сосѣдей—зарывался въ сѣно или садился въ уголь курятника, а зимой на печь, или на полати въ самый уголь. Пока происходилъ брачный пиръ, молодой не пивши не ѣвши продолжалъ скрываться у сосѣдей. Когда вечеромъ гости разошлись, его начинали искать, отыскивали и вели въ амбаръ, гдѣ его уже ждала молодая ²⁾. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невѣста является въ домъ жениха съ дарами еще наканунѣ свадьбы, женихъ также уходитъ къ сосѣду или въ баню ³⁾.

Объяснить такое необычное поведеніе жениха можно только при предположеніи, что было время, когда и онъ вступалъ въ бракъ противъ воли—и такое время, дѣйствительно, было.

Въ преданіяхъ и пѣсняхъ Мордвы обоихъ колѣнъ сохраняются живыя воспоминанія о временахъ, когда съ похищенной или купленной взрослой дѣвушкой соединяли формальными узами брака мальчика лѣтъ 6—10 ⁴⁾.

¹⁾ Ниж. Г. В. 1865, № 24.

²⁾ Сообщено В. В. Фитингофовымъ.

³⁾ Симб. Г. В. 1851, № 25.

⁴⁾ Порядокъ этотъ имѣлъ мѣсто, по свидѣтельству Палласа, еще въ XVIII в. (I, 111). Ср. И. И. Дубасовъ. Очер. изъ ист. Тамб. кр. I, 126.

Въ сборникѣ Паазонена приведена пѣсня, живо рису-
ющая положеніе обѣихъ противоестественно и насильственно сое-
диненныхъ сторонъ.

Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Пусть колдунъ, милая подружка, испортитъ маленькаго мужа.
Я стараюсь изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и не выходить
ничего,
Я стараюсь, милая подружка, самымъ лучшимъ образомъ ухаживать
за нимъ и не достигаю ничего.
Семья садится за ужинъ, милая подружка.
А онъ, подружка, садится въ уголь у двери,
Онъ садится на лѣво отъ двери.
Семья спать ложится, милая подружка,
А онъ садится ужинать, милая подружка.
И всегда, безперечь, милая подружка, проситъ онъ мягкаго
хлѣбца,
Безперечь, милая подружка, проситъ онъ ложечку.
Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Я стараюсь изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и ничего не вы-
ходить.

Наконецъ, милая подружка, захочетъ и онъ спать.
Я пытаюсь убаюкать его и ничего не выходитъ.
Положу его къ стѣнѣ, милая подружка,
И боюсь, боюсь, милая подружка, что его клопъ укуситъ.
Положу его къ своему животу, милая подружка,
И боюсь, боюсь, милая подружка, что блоха его укуситъ.
Положу его къ себѣ на руки, милая подружка,
И боюсь, боюсь, что раздавлю его.
Положу его на край лавки, милая подружка,
И боюсь, боюсь, что онъ упадетъ.
Я пытаюсь всячески ухаживать за нимъ и не выходитъ ничего.
Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Какъ привяжу я, милая подружка, его къ качалкѣ.
Положила я его въ качалку, милая подружка,
Около моей ноги, подружка, положила ея веревочку.
Я качаю, качаю, милая подружка, маленькаго мужа.
Какъ возьму я, милая подружка, мѣдную свистульку,
Я свистала, свистала у его головы,
Какъ взяла я, милая подружка, ремень изъ телячьей кожи,
Какъ привязала я его на ремень изъ телячьей кожи,
Какъ положила я его себѣ на спину.
Въ темный лѣсъ унесла я его милая подружка.

Какъ возьму я его милая подружка за обѣ ноги,
 Какъ метну я его на крѣпкій дубъ,
 Какъ вырою я, милая подружка, маленькую могилку
 На мокрое мѣсто положу я его, подружка,
 Луговымъ дерномъ я его накрою подружка.
 Какъ поѣду теперь домой я, милая подружка?
 Пока иду я, все плачу, милая подружка.
 Встрѣчаетъ меня, милая подружка, молодой парень.
 Онъ спросилъ, онъ спросилъ меня, гдѣ ты была?
 Я ходила, молодой паренекъ, убить моего мужа,
 Я ходила, дружокъ, уничтожить своего мужа.
 Зачѣмъ ты, молодая баба, убила миленькаго мужа?
 Затѣмъ я убила своего маленькаго мужа, паренекъ:
 Я старалась изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и ничего не

выходило,

Я хлопотала и не достигала этимъ ничего.
 Гдѣ спрятала ты твоего маленькаго мужа?
 На болотистомъ мѣстѣ я его положила;
 Луговымъ дерномъ его я накрыла,
 Въ березовый лѣсокъ я его положила,
 Березовыми вѣтвями его я накрыла.
 Иду я, паренекъ, и оплакиваю себя (2).
 Какъ приду я, паренекъ, теперь ко свекру,
 Что буду я, паренекъ, отвѣчать свекру?.

Картина отношеній, раскрывающаяся въ этой пѣснѣ, вполнѣ объясняетъ поведеніе ребенка-жениха въ былое время. Убѣжать, избавиться отъ грозящей участи было тогда его естественной потребностью. Съ перемѣной порядковъ на этой почвѣ созданъ простой обрядъ.

Другая пѣсня подобнаго-же содержанія помѣщена въ „Образцахъ мордовской народной словесности“, изданныхъ Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ.

Молодой парень маленькій женился,
 Взялъ жену очень хорошу;
 Черны, черны глаза ея,
 Еще чернѣе ея брови
 Выходить, входитъ молодушка взадъ-впередъ въ ворота....
 Кто увидѣлъ ее входящей, выходящей въ ворота?
 Увидала ее старшая золовка,
 Замѣтила ее старшая золовка.

Зачѣмъ ты не разбудишь, невѣстка, своего мужа?
 Онъ давно ушелъ на охоту.
 Отчего, невѣстка, борзья-то дома?
 Отчего, невѣстка, у тебя лапти въ крови?
 Пѣтухи, курочки раздралися—я разнимала...
 Она свою исподнюю пояску развязывала:
 Исподней пояскою своего мужа удавила.
 Она его въ большую уряму отнесла,
 Въ текучую воду его бросила.

В а р і а н т ь.

«Звала, звала молодушка
 Своего мужа спать, не дозвалась его
 За конецъ пальчика поймала его,
 Въ беремя взяла его,
 На свою постель принесла,
 На мягкую постель кинула его.
 Долго, недолго молодушка спала, до полуночи.
 Не хорошій сонъ молодушка видала:
 Молодушка свою исподнюю пояску развязала,
 Мужу своему на шею закинула,
 Къ большой рѣкѣ приволокла его,
 Въ глубокую водушку кинула его.

Насильственно введенная въ домъ, связанная номинально съ ребенкомъ, молодая женщина была фактически достояніемъ взрослыхъ членовъ семьи и ближайшимъ образомъ главы дома-отца. Снохачество было естественнымъ результатомъ условий, при которыхъ дѣвушка входила въ домъ, и въ мордовскомъ быту еще въ XVIII в. оно представляло широко-распространенное явленіе.

Въ архивѣ Пензенской духовной консисторіи сохранились документы, доказывающіе, что духовенство за приличное вознагражденіе сквозь пальцы смотрѣло и на снохачество и на обусловливающіе его фиктивные браки малолѣтнихъ. Указы Правительствующаго Сената, адресованные духовенству Пензенской епархіи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, констатируютъ, что Мордва—повокрещены „малолѣтнихъ своихъ сыновей лѣтъ 8, 10 и до 12 женятъ и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ 20 и

болѣе, съ которыми свекры впадаютъ во многое кровосмѣшеніе“. Не взирая на неоднократныя предписанія не допускать такихъ браковъ они имѣли мѣсто до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда наименьшій возрастъ жениха былъ установленъ въ 15 лѣтъ ¹⁾. Съ того времени, какъ законъ опредѣлилъ предѣльный возрастъ мужа, снохачество утратило свою почву, но оно продолжаетъ существовать по инерціи въ особенности у Мокши и до сихъ поръ.

Въ дѣлахъ Карсаевскаго волостнаго правленія мы имѣли случай найти рядъ указаній на его существованіе, хотя общественное мнѣніе относится уже къ нему отрицательно. Лицо, названное публично снохачемъ, считаетъ себя обиженнымъ и привлекаетъ оскорбителя къ отвѣтственности. Почвой, на которой до сихъ поръ удерживается снохачество, является солдатство. Въ ряду лицъ, которыя предъявляютъ притязанія, на молодую женщину, оставшуюся безъ мужа, фигурируетъ на первомъ планѣ свекоръ. Пользуясь своимъ положеніемъ въ домѣ, онъ прибѣгаетъ къ побоямъ и насилію въ томъ случаѣ, если встрѣчаетъ сопротивленіе снохи.

Представленіе объ исключительномъ правѣ мужчины на купленную или похищенную женщину развивалось у Мордвы медленно. Рубруквисъ, писавшій въ XIII в., говоритъ относительно современной ему Мордвы: „они не ревнивы и мало беспокоятся если узнаютъ, что кто нибудь спалъ съ ихъ женами“ ²⁾. Нельзя сказать, чтобы отъ этой былой снисходительности къ грѣхамъ жены не осталось слѣдовъ и въ настоящее время. Мужъ, находящійся въ долгомъ отсутствіи, напр. солдатъ, не претендуетъ на вѣрность жены ³⁾. Свои возрѣнія на счетъ правъ мужа мордовки-мокшанки съ откровеннымъ цинизмомъ обнаруживали на такъ называемыхъ бабьихъ праздникахъ („аванъ боза“). Въ Вечкинѣ (Вочкининѣ) Наровчатѣ

¹⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1874, стр. 764.

²⁾ Requeil des voyag. faits en Asie I,

³⁾ Ср. Мѣиновъ. стр. 122, 124.

скаго уѣзда въ понедѣльникъ послѣ Омина воскресенья происходитъ обрядъ перенесенія священныхъ свѣчей, съ которыми совершаются моляны, изъ одного дома въ другой. Въ обрядѣ участвуютъ однѣ женщины. Собравшись къ дому, гдѣ хранились до этого момента свѣчи, женщины сначала молятъ. Моляны совершаютъ старухи, которыя просятъ бога, чтобы рыбаки не тонули въ теченіе наступающаго лѣта, чтобы больше родилось дѣтей, чтобы богъ далъ здоровья пахарямъ, чтобы не было порчи. Попивши и поѣвши, несутъ свѣчи къ сосѣду. Во главѣ процессіи идутъ три бабы съ такъ называемыми „алашат“ — палочками, концы которыхъ обдѣланы въ видѣ конскихъ головъ. Одна изъ нихъ—та, въ домъ которой переносятся свѣчи,—несетъ эти послѣднія, другія двѣ хлѣбъ, говядину, пшеничный пирогъ, вино, брагу. За нимъ еще три бабы ѣдутъ верхомъ на палкахъ аршина въ 2—2½ длиной. Вся компанія распѣваетъ грубо-эротическія пѣсни. Оставивши штатоль у того лица, на которое приходится очередь, пьяныя бабы ѣдутъ верхомъ на палкахъ по улицамъ. Мужчины старательно избѣгаютъ встрѣчи съ ними въ виду того, что попавшій въ руки къ бабамъ дѣлается жертвой безобразныхъ издѣвательствъ. Несчастнаго раздѣваютъ до нага, поднимаютъ на плечи и несутъ по улицамъ, высказывая весьма откровенныя соображенія на счетъ физическихъ ресурсовъ своей жертвы. По поводу слабо развитаго человѣка откровенно заявляютъ, что его жена должна ходить къ другимъ мужикамъ; по адресу здороваго также откровенно высказывается, что къ нему, несомнѣнно, ходятъ чужія бабы.

Съ возникновеніемъ индивидуальныхъ правъ мужчинъ на женщину измѣняется и отношеніе дѣтей къ родителямъ. Преобладающее вліяніе переходитъ къ отцу—владыкѣ матери. Майновъ приводитъ мѣсто, изъ котораго можно заключить, что въ былое время Мордва допускала для отца право на жизнь и смерть своихъ дѣтей. Пургине-пазъ, родившійся уродомъ по этому мѣсту, былъ сброшенъ родителями на землю (134).

Представленіе о правѣ отца на жизнь своего дитяти слышится въ слѣдующихъ словахъ свадебнаго причитанія, записаннаго г. Паазоненомъ:

Подними твои руки вверхъ,
Объщай меня вышнему богу,
Опусти твои руки внизъ
Объщай меня земляному богу,
Распрости свои руки,
Объщай меня черной смерти ¹⁾.

Къ періоду развившагося патріархата относится купля дѣвушки, замѣнившая, главнымъ образомъ у Эрзи, ея похищеніе. Отецъ продаетъ дочь, какъ свою собственность, женихъ или его родъ покупаютъ ее, какъ вещь, которой можетъ распоряжаться по усмотрѣнію. Какъ широко въ былое время понимались права на купленную женщину, можно видѣть изъ того, что еще въ XVIII были живы воспоминанія о томъ, что въ старину мужъ могъ продать жену съ прижитыми отъ нея дѣтьми въ томъ случаѣ, если она перестала ему нравиться ²⁾. Значительная часть обрядовъ, сопровождающихъ мордовскую свадьбу, находится въ связи съ физической или фактивной продажей невесты. Въ формѣ пропоя продажа невесты является до послѣдняго времени рѣшающимъ моментомъ брака. Съ момента пропоя женихъ вступаетъ у Мокши въ фиктивное обладаніе невестой и ходитъ къ ней спать, не дожидаясь церковнаго или иного освященія своихъ правъ.

Естественнымъ результатомъ купли-продажи невесты является роль, которую въ дѣлѣ выбора ея играетъ родители и родственники. Въ виду того, что деньги за невесту — „питнэ“ — выплачиваетъ отецъ, выборъ является уже его дѣломъ: покупается та дѣвушка, цѣна которой по силамъ дому и приобрѣтеніе которой представляется для него выгодной. Ни продаваема, ни тотъ, для кого она покупается, не имѣютъ рѣшающа-

¹⁾ I. с. 181.

²⁾ Лепех. Зап. I, 173.

го голоса. Въ прошломъ столѣтїи женихъ купленной невѣсты только въ тотъ моментъ, когда ее приводили въ домъ, видѣлъ ее впервые. ¹⁾ Деньги, вырученныя за продажу невѣсты идутъ у Эрзи отцу и роду (въ формѣ прооя), у Мокши—невѣсты и прїобрѣтаютъ значеніе средневѣковаго „morgengabe“.

Съ наступленіемъ момента, когда женщина становится предметомъ купли-продажи, создается почва, на которой могло-если не возникнуть, то развиться многоженство—новый періодъ въ эволюціи мордовской семьи. Зародыши полигинїи, какъ и полиандрїи заеключаются въ коммунальномъ бракѣ. Полиандрїя въ формѣ снохачества и левирата выдѣляется ранѣе, въ періодъ умыканїя женщинъ. Совмѣстное пользованіе женщиной опредѣляется ея совмѣстнымъ похищеніемъ. Многоженство (полигинія) становится возможнымъ тогда, когда благодаря измѣнившимся условїямъ прїобрѣтенїя женщины содѣйствіе другихъ становится ненужнымъ и человекъ получаетъ возможность удовлетворять своей прихоти въ мѣру своихъ покупательныхъ способностей.

Воспоминанїя объ эпохѣ, когда было въ обычаѣ многоженство, сохранились до сихъ поръ въ народной поэзіи Мордвы.

Въ сборникѣ Миссіонерскаго Общества помѣщено три пѣсни, въ которыхъ упоминается о многоженствѣ.

Старикъ Букментїй хорошъ,
Молодецъ Букментїй добръ:
Сыновьевъ у него семеро,
Снохъ у него четырнадцать. (149)

« . . . »

Мурза, мурза, богатый мурза!
Три законныхъ жены у него,
Тридцать у него дѣтей (163)

.
Богатъ, богатъ,
Богатый мордвинъ,
Мокша изъ Кози.

¹⁾ Майн. 48, 56.

У него семь законныхъ женъ,
У него семеро дѣтей сыновьевъ....

(171)

Въ этихъ пѣсняхъ отражается порядокъ, который наблюдали еще путешественники прошлаго столѣтія: Лепехинъ, Палласъ, Георги. Лепехинъ говоритъ, что въ языческую пору каждый мордвинъ могъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи былъ прокормить (I, 173).

Сохраняя до настоящаго времени остатки своего права на личность дѣтей, отецъ естественно является для нихъ авторитетомъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вопросъ о границахъ отеческой власти у Мордвы довольно обстоятельно разработанъ въ извѣстной книгѣ Майнова „юридическомъ бытѣ Мордвы“.—Отецъ является безапелляціоннымъ судьей въ домашнихъ дѣлахъ, безконтрольнымъ распорядителемъ семейнаго имущества. Непочтительнаго сына отецъ можетъ лишить наслѣдства и выгнать изъ дому по первому оскорбительному слову ¹⁾. Мокша лишаетъ такого сына даже надѣла. Даже у отдѣленнаго сына отецъ за непочтительность можетъ отобрать пай. Отсылая читателя за подробностями къ этой книгѣ, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что въ первоначальной мордовской семьѣ авторитетъ отца имѣлъ исключительно матеріальную основу. Отецъ имѣлъ значеніе, пока былъ способенъ къ работѣ. Сдѣлавшись неспособнымъ къ труду, онъ терялъ не только свое преобладающее положеніе въ семьѣ, но и самое право на существованіе. Въ с. Шадымѣ Инсарскаго у. намъ привелось слышать любопытное преданіе о практиковавшемся въ старину обычаѣ избивать неспособныхъ къ труду стариковъ. Въ опредѣленное время устраивался особый праздникъ „покшт-(ай)поза“ (пиво дѣдовъ). Варилось пуре и зажившагося старика усердно угощали, затѣмъ сажали на лубокъ предъ вырытой ямой, забивали до смерти дубинками и на этомъ же лубкѣ зарывали въ яму. Въ виду важности заключающагося

¹⁾ Майн. I. с. 179.

въ этомъ преданіи факта считаемъ нужнымъ замѣтить, что рассказчикъ сообщилъ намъ его самъ, безъ всякаго вопроса съ нашей стороны. Въ послѣдующіе періоды развитія семьи власть отца приобрѣла нравственное основаніе. Даже ослабѣвшій старикъ, какъ посредникъ между семьей и богами, сохранялъ свое значеніе, но въ экономической сферѣ его власти поставили границы новыя условія жизни. Сынъ работавшій на отцовскихъ поляхъ, въ отцовскихъ ухожеяхъ не имѣлъ отдѣльнаго заработка и считалъ совершенно естественными экономическія права отца; сынъ, зарабатывающій деньги на отхожихъ промыслахъ, смотритъ на семейное достояніе уже иначе: если отецъ вздумаетъ по своему усмотрѣнію распорядиться подобными заработками дѣтей, противъ него уже протестуютъ и обращаются къ міру, который даетъ семьѣ право избрать новаго домовладыку¹⁾).

На почвѣ установившейся отеческой власти складывалась у древней Мордвы родовая организація. Союзъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, представлялъ, кажется, единственную общественную форму, извѣстную древней Мордвѣ. Путешественники XIII в. говорятъ, что Мордва не имѣла большихъ населенныхъ мѣстъ и жила разсѣянно въ лѣсахъ. Названія населенныхъ мѣстъ, составленныя изъ словъ лей (рѣчка), кужа (поляна) и веле (деревня, поле) соединенныхъ съ личными именами, показываютъ, что по крайней мѣрѣ значительная часть поселеній возникла изъ урочищъ, находившихся во владѣніи одного хозяина. Акты XVII в. даютъ намъ возможность составить представленіе о составѣ древней мордовской большой семьи или рода. Въ извѣстномъ уже намъ дѣлѣ о моленіи на кладбищѣ въ д. Чукалахъ содержатся положительныя указанія на то, что въ первой половинѣ XVII в. были деревни, служившія поселеніями отдѣльныхъ родовъ. Мордвинъ деревни Старыхъ Чукалъ показывалъ, что „была де у нихъ мольба у пяти деревень по своей вѣрѣ, а была на той мольбѣ Алаторскаго уѣзда...

¹⁾ Майновъ I. с. 141, 160.

д. Старога Ожердѣва Баюшъ Учасвъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею, дер. Андреевки Чуба Бошаевъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею, дер. Ермурзины Старно Ермензинъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею¹⁾. Въ деревняхъ, служившихъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ родовъ, населеніе группировалось по этимъ родамъ. Для разложенія родовъ и сліянія ихъ въ общину въ XVII в. не было почвы въ виду характера владѣнія землей. Общинное владѣніе въ современномъ смыслѣ составляетъ у Мордвы результатъ русскаго, по всей вѣроятности, правительственнаго вліянія. Въ XVII в. мордовскіе роды владѣли землей—пашнями и ужожами—на вотчинномъ правѣ и распоряжались ими на правыхъ полныхъ собственниковъ—продавали, дарили и т. д. Предметомъ нераздѣльнаго владѣнія были земли, находившіяся внѣ какого-бы то ни было пользования жителей селенія.

Въ настоящее время подъ вліяніемъ раздѣловъ родовой бытъ уже разложился, но воспоминанія о немъ выступаютъ въ языкѣ и въ бытѣ въ важнѣйшіе моменты жизни Мордвы—при молянахъ и бракѣ. Мордва сохранила нѣсколько словъ, служащихъ для обозначенія родоваго союза. Сюда относится чаще употребляемое малавикс въ значеніи параллельномъ вотяцкому б о л а к, затѣмъ р а с ь к а и уцѣлѣвшее въ мѣстныхъ названіяхъ б у э (Ордань-буэ=Ардатовъ). Можетъ быть самое названіе деревни в е л е имѣеть тоже значеніе: въ неизданномъ еще словарѣ г. Евсевьева мы встрѣчаемъ его между прочимъ въ значеніи р о й. Родъ въ смыслѣ союза лицъ, объединенныхъ общими обязанностями по отношенію къ предкамъ и богамъ, выступаетъ въ особенности при молянахъ. Въ Пензенской губерніи Мордва въ 60 годахъ текущаго столѣтія группировалась на общихъ деревенскихъ трапезахъ, слѣдовавшихъ за моленіемъ, породно. Въ составъ формировавшихся при этомъ родовыхъ группъ входили такія лица, которыя не могли пред-

¹⁾ Акты Госуд. Росс. I, 297.

ставить соединяющихъ ихъ связей и только по преданію считали себя членами одного рода ¹⁾).

Въ брачныхъ обрядахъ сохранились также воспоминанія о томъ, что въ былое время дѣвушка продавалась и покупалась цѣлымъ родомъ. Архимандритъ Макарій (нынѣ архіепископъ Новочеркасскій) говоритъ относительно Эрзи Нижегородской губерніи, что отецъ жениха отправлялся въ домъ невѣсты съ виномъ для прооя ея въ сопровожденіи всей своей родни и съ „озоритыми пирогами“. Пироги эти принимали родственники невѣсты и этотъ фактъ служилъ доказательствомъ состоявшагося соглашенія ²⁾. У Эрзи Самарской губерніи мать жениха передъ отвозомъ невѣсты обязана обойти всѣхъ ея родныхъ и оставить въ каждомъ домѣ по ковригѣ хлѣба ³⁾. У Эрзи Симбирской губерніи невѣста утромъ въ день отбѣзда изъ родительскаго дома ходитъ по родственникамъ и ищетъ у нихъ защиты противъ чужихъ людей, которымъ продалъ ее отецъ ⁴⁾. Члены рода, защищающіе ее даже послѣ продажи отцемъ, являются съ титуломъ у р ь в (а) - а л я т (невѣстины мужики, родичи) непремѣнными дѣятелями сватъбы въ моментъ увоза ея въ домъ жениха. Къ нимъ обращается невѣста съ просьбой не отдавать ее чужому отцу матери.

Не отдавайте меня незнакому чловѣку.
Не отдавайте чужому отцу-матери,
Я за вами жила нѣжась бадуя ⁵⁾.

У Мокши Нижегородской губ. по свидѣтельству того-же Макарія цѣну невѣсты назначали „инята“ и „имбаба“—старикъ и старуха, выполнявшіе жреческія функціи во время моляновъ и воплощавшіе въ себѣ идею рода ⁶⁾.

¹⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1868, стр. 24.

²⁾ Майн. 56.

³⁾ *ibid.* 75.

⁴⁾ Майн. 90.

⁵⁾ Пѣсни. Стр. 91. Ср. Майновъ. 1. с. 90.

⁶⁾ Майновъ. 1. с. 58.

Случаи, подобные тому, который изложенъ въ дѣлѣ о моленіи въ Чукалахъ, показываютъ, что въ позднѣйшемъ мордовскомъ быту извѣстны были общественныя группы и большія, чѣмъ родъ—сочетанія родовъ, связанныя общимъ культомъ на почвѣ существующаго или бываго сожительства. Родъ или группа родовъ, жившая на опредѣленной территоріи, выдѣляла опредѣленный участокъ ея для кладбища и моляны въ честь усопшихъ, происходившія на немъ, соединяли, какъ мы видимъ изъ Чукальскаго моленія, всѣхъ, чьи предки были погребены на этомъ кладбищѣ. Роды, переселившіеся далеко на сторону, на время этихъ моляновъ являлись на общее кладбище предковъ. Иногда такими сборными пунктами служили давно покинутыя и перешедшія уже въ личное владѣніе полянки въ лѣсу. Изъ бумагъ, относящихся къ такъ называемому Терюшевскому бунту, происходившему въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 40-хъ годахъ XVIII в., видно, что у Терюханъ Нижегородской губерніи существовали также общія для нѣсколькихъ деревень кладбища, на которыя они собирались для совмѣстныхъ моленій. На почвѣ сожительства родовъ, несвязанныхъ между собою происхожденіемъ, возникали и общія молитвенныя рощи („кере-мети“), собиравшія въ своихъ предѣлахъ населеніе нѣсколькихъ деревень. Въ чемъ выражалась въ дорусскій періодъ гражданская связь этихъ объединенныхъ общимъ культомъ группъ, за скудостью данныхъ, трудно сказать опредѣленно. Языкъ показываетъ, что Мордва различала по крайней мѣрѣ двѣ категоріи носителей власти—азыровъ—кудь-азыра или главу отдѣльнаго дома, семейной общины и отцю-азыра, великаго хозяина. Въ настоящее время этимъ именемъ мордва зоветъ царя, въ былое время, вѣроятно, она такъ называла своихъ князей, пока не усвоила татарскаго титула мурза¹⁾. Лѣтописи и акты позволяютъ намъ констатировать, что такихъ князьковъ на мордовской территоріи было значительное коли-

¹⁾ У Эрзи существуетъ въ значеніи господина еще слово нишке.

чество и власть каждаго изъ нихъ въ отдѣльности простира-
лась на незначительное количество родовъ.

На основаніи данныхъ языка можно установить, что груп-
пы совмѣстно жившихъ родовъ выработывали для себя общія
нормы поведенія—п л я, к о й (обычай), имѣли органы для рѣ-
шенія общихъ дѣлъ—сходы, собранія (п у р н а м о, п р о м к с,
т а р к а, м. о р а м, к у ж а—сходка, п о л е) и начальниковъ,
въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть (п р я в к с).
Термины юридическіе и социальнo-экономическія вводятъ насъ
въ кругъ тѣхъ отношеній, которыя слагались на почвѣ благо-
созительства родовъ. Различая съ давнихъ поръ богатыхъ и
бѣдныхъ людей, Мордва создала рядъ словъ для обозначенія
отношеній, въ которыхъ они могли оказываться: у р е—рабъ,
в а р д а н к а служанка, т с ю м о должный, виновный, в а ж о—
работникъ. Майновъ приводитъ термины п р е а с ь е з г а для
обозначенія обязательства, въ которомъ одна изъ сторонъ ру-
чается головой, п р е а с ь п и т н е—цѣна головы—для обозна-
ченія отступнаго.

Воспоминаніемъ о тѣхъ обязательствахъ, которыя лежали
на общинѣ по отношенію къ ея главѣ служить оригинальный
терминъ для обозначенія подати — к а я в к с = сброшенное.

Далѣе тѣхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто въ общинѣ,
какъ союзѣ родовъ, творчество Мордвы въ сферѣ социальной не
пошло. Борьба съ татарами и русскими временно соединяла
отдѣльныя общины, но эти сочетанія не имѣли устойчивости
и не могли отлиться въ опредѣленные нормы. Ввести эти
общины въ составъ болѣе сложной организациі выпало на до-
лю русскаго народа.

Л. Смирновъ.

ХРОНИКА.

Экскурсія на мѣсто древняго Суvara.

Татарско-чувашское названіе села Кузнечихи Спасскаго уѣзда совершенно созвучно съ именемъ Булгарскаго города «Суваръ», упоминаемаго у Арабскихъ писателей X столѣтія.

Татары называютъ это село Иске-сѣуар, чувашаи Киве-свар (старый Сваръ) въ отличіе отъ сосѣдней дер. Новой Кузнечихи (тат. Ян-я-сѣуар, чув. Чен-е-свар).

Отъ татаръ я узналъ, что около села Кузнечихи есть мѣсто большаго древняго города, гдѣ очень часто находятъ разныя старинныя вещи. Объ этомъ я заявилъ секретарю Общества И. Н. Смирнову, по предложенію котораго и поѣхалъ самъ осматривать эту мѣстность лично и справиться о находкахъ. Съ этой цѣлью 23-го мая я пріѣхалъ въ с. Кузнечиху, которое находится на рѣкѣ Уткѣ въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Спасска. Справившись предварительно въ мѣстномъ Волостномъ Правленіи о Суварскомъ городищѣ и о его находкахъ, я взялъ себѣ въ проводники мѣстнаго старожила Емельяна Кузнецова, который мнѣ между прочимъ изъяснилъ, что село носитъ такое инородческое названіе (Свар) потому, что здѣсь былъ очень большой турецкій городъ Сваръ (какъ они обыкновенно называютъ и всѣ находки турецкими); здѣсь была ихъ столица, разрушившаяся послѣ какой-то войны.

Мѣстные жители именемъ «свар» называютъ не большую горку, находящуюся въ полуверстѣ отъ села, гдѣ тоже есть слѣды человѣческаго жилья. Объ этомъ городѣ подробно рассказывалъ имъ бывшій въ дер. Старомъ Баранѣ 80 лѣтній мулла, у котораго были старинныя книги. Русскіе поселились сюда уже на разоренное мѣсто изъ разныхъ губерній (разный сбродъ — какъ они называютъ). Особенно древними поселеніями у нихъ считаются сосѣднія татарскія селенія: Старый Баранъ (Иске-Разябъ), Старые Юрткули, Кутельбаево и Старые Салмани.

Названіе «Кузнечиха» извѣстно только русскимъ, а всѣ инородцы (даже въ уѣздахъ Чистопольскомъ, Лаишевскомъ, Мамадышскомъ и въ Самарской губерніи) называютъ это село именемъ древняго города Свар или Сѣуар. Самое городище находится въ двухъ верстахъ къ югу отъ села на томъ

же берегу Утки и въ 1 верстѣ отъ дер. Даниловки, находящейся на противоположной сторонѣ рѣки, около 50 верстѣ на юго-востокъ отъ с. Болгарь и въ 3-хъ верстахъ отъ сѣверной границы Самарской губерніи, около верховьевъ трехъ притоковъ Волги: Бездны, Утки и Майны. Городище съ трехъ сторонъ окружено рвами и валами (съ южной—одинъ валъ и ровъ, съ сѣверной и восточной двумя параллельными валами и рвами), а съ западной стороны окружено рѣкою Уткой, берега которой, по рассказамъ крестьянъ, лѣтъ 20 тому назадъ составляли непроходимыя болота. Глубина рововъ отъ 2 до 3 сажень, разстояніе между двумя валами около 5 сажень. Съ сѣвера и востока на среднемъ (внутреннемъ) валу есть какія то ямы; проводникъ мой назвалъ ихъ западнями, съ которыхъ турецкіе солдаты охраняли свою столицу.

Съ восточной стороны есть два узкихъ хода въ городище, старикъ называлъ ихъ воротами. Огромность протяженія этихъ валовъ и рововъ и замѣчательная глубина ихъ заставляютъ предполагать, что древнѣйшее поселеніе здѣсь принадлежало къ числу важнѣйшихъ городовъ Булгарскаго царства.

Кромѣ валовъ и рововъ признаками такого обширнаго города служить также обиліе различнаго рода находокъ на значительномъ пространствѣ. Площадь его занимала около 6 верстѣ въ окружности; признаки человѣческаго жилья есть и внѣ валовъ почти на протяженіи 2-хъ верстѣ отъ самаго городища въ направленіи къ с. Кузнечихѣ.

Я исходилъ все городище и его окрестности, но кромѣ черепковъ ничего не нашель, впрочемъ этому препятствовало отчасти то, что въ настоящее время площадь городища засѣяна рожью. Остатковъ каменныхъ зданій нигдѣ не сохранилось и старожилы о нихъ не помнятъ. Основываясь на соч. Арабскаго писателя X столѣтія Эль-Бальхи можно предполагать, что каменныхъ зданій въ Суварѣ совсѣмъ не было.

Пришедши обратно въ село, я разспрашивалъ у мѣстныхъ крестьянъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо старинныхъ вещей и монетъ, находимыхъ въ сосѣднемъ городкѣ и въ его окрестностяхъ, и они отвѣчали, что и здѣсь не рѣдко выпаживаютъ турецкія деньги, да ихъ отдають ребятишкамъ играть въ орлянку, а желѣзные топоры старинной формы отдають кузнецу передѣлывать въ сошники, топоры и другія домашнія вещи. Въ самомъ городкѣ и въ окрестностяхъ, на пашнѣ, находили прежде весьма много и нынѣ часто находятъ древнія татарскія вещи. Нѣкоторые говорятъ, что они прежде цѣлыми корзинами имѣли такихъ старинныхъ вещей съ этого городка. Внутренность городка начали распахивать подъ посѣвъ еще не очень давно. Разныхъ черепковъ и костей прежде было очень много, отъ изобилія ихъ нѣкоторыя мѣста городка совсѣмъ невозможно было распахивать. И нынѣ иногда на нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются какія-то ямы, такъ что лошади тонуть, почему рабочіе мѣстнаго помѣщика Данченко ихъ заваливаютъ. Между остатками древнихъ глиняныхъ издѣлій очень часто попадаются сдѣланные изъ красной глины разной величины обожженные шарики съ дырочкой, совершенно похожіе на наши счетные шарики. Подобныхъ шариковъ было много найдено и въ Булгарскомъ городищѣ, какъ мы видимъ изъ описанія Палласа

(Древніе города Шпилевскаго, стр. 254). Я приобрѣлъ нѣсколько такихъ шариковъ у татаръ сосѣдней дер. Новаго Барана.

Мѣстные крестьяне рассказываютъ, что дѣды ихъ, какъ бывшіе крѣпостные, отдавали дорогія находки своимъ господамъ, особенно князю Дальяну, такъ какъ городище находилось и находится на помѣщичьей землѣ. Также много покупалъ у нихъ такихъ находокъ князь Баратаевъ, вѣроятно тотъ, на котораго есть указаніе въ объяснительной запискѣ къ археологической картѣ Казанской губерніи И. А. Износкова («Находки въ с. Кузнечихѣ—кн. Н. П. Баратаевъ»—стр. 3).

Одинъ крестьянинъ нашелъ старинную серебрянную тарелку, другой—цѣлый кувшинъ татарскихъ монетъ, третій—бо кусковъ серебра, похожихъ на бороновый зубъ, и всѣ находки отбирали у нихъ владѣльцы селенія. Мѣстный помѣщикъ г. Данченко показалъ мнѣ изъ найденныхъ въ этомъ городкѣ вещей имѣющійся у него русскій серебрянный рубль—кусокъ продолговатой формы серебра безъ всякаго клейма около $\frac{1}{4}$ фунта. Онъ же Данченко говорилъ, что кто-то у нихъ нашелъ до 30 штукъ татарскихъ монетъ, но ему ни одной не удалось достать.

Кромѣ того мѣстные крестьяне рассказываютъ, что на городкѣ распаиваютъ много человѣческихъ костей и череповъ, и теперь тамъ валяются нѣсколько совершенно бѣлыхъ череповъ, но къ сожалѣнію мнѣ не удалось видѣть ни одного черепа; одинъ крестьянинъ было и обѣщался принести одинъ цѣлый черепъ, но я его не дождался—уѣхалъ.

Въ одной верстѣ къ сѣверу отъ села на правомъ берегу р. Утки, гдѣ нынѣ стоятъ кирпичные сараи, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, находилось какое то древнее кладбище. Въ настоящее время никакихъ слѣдовъ его не сохранилось, такъ какъ мѣсто это съ давнихъ временъ распаивали и землю в зили на плотину.

На сѣверномъ концѣ села мѣстный крестьянинъ Н. Худяковъ при разрытіи погреба вырылъ человѣческія кости и одинъ черепъ. Узнавъ объ этомъ, я отправился на это мѣсто удостовѣриться и въ только что разрытомъ погребу мы обнаружили четыре не глубокихъ могилы. Положеніе полусгнившихъ костей указываетъ, что погребеніе было въ сидячемъ положеніи. Съ этого могильника я привезъ съ собою 1 черепъ безъ нижней челюсти и переднюю часть верхней челюсти съ другого черепа, остальные кости всѣ сгнили. Всѣ 4 могилы глубиною не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина.

Переночевавъ въ с. Кузнечихѣ и собравъ тамъ нѣсколько матеріаловъ, на другой день я отправился въ ближайшую татарскую деревню Новый Баранъ (Янга-разябъ) для собиранія тѣхъ же матеріаловъ, такъ какъ крестьяне этой деревни работаютъ (пашутъ, жнутъ и пр.) помѣщику Данченко, на землѣ котораго находится Сварское городище. Въ этой деревнѣ находокъ оказалось также очень много, но я прибрѣлъ лишь нѣсколько старинныхъ вещей по той причинѣ, что татары, какъ любители старинныхъ вещей, дорожатъ этими находками, купить у нихъ по дорогой цѣнѣ мнѣ не хотѣлось. Въ этой дер. одинъ татаринъ нашелъ большой серебряный браслетъ старинной формы; другой нашелъ мѣдный молоточекъ, одинъ конецъ котораго слу-

жилъ печатью (съ надписью), у третьяго хранится какое то женское украше-
ніе съ надписью, у одного хранится мѣдный кистень съ шишечками и пр.

Изъ находимыхъ здѣсь древнихъ вещей можно бы было составить цѣ-
лѣя коллекціи Суварскихъ древностей, если не пожалѣть небольшую сумму
денегъ на ихъ приобрѣтеніе у мѣстныхъ жителей и сосѣднихъ татаръ, кото-
рые любятъ ихъ собирать. Археологическія же изслѣдованія и значительныя
раскопки открыли бы цѣлую исторію этого города, такъ какъ до сихъ поръ
еще никакихъ научныхъ изслѣдованій по этой мѣстности не было и никто
никакихъ раскопокъ не производилъ, а вещи находятъ лишь при распахи-
ваніи подъ посѣвъ.

Въ заключеніе вправѣ считать себя счастливымъ, что для науки открыто
теперь мѣстонахожденіе другаго обширнаго Булгарскаго города Суvara, имя
котораго до сихъ поръ еще не исчезло въ памяти народа.

Знатель Тайнитдинъ Ахмаровъ.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области.

Въ недавно изданномъ отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи за 1889 г. напечатана между прочимъ статья о произведенныхъ профессоромъ Петербургскаго университета Э. Ю. Петри раскопкахъ, для производства археологическихъ изслѣдованій.

Особенное вниманіе проф. Петри обратилъ на древнія развалины на берегу озера Кисяня, въ 1 $\frac{1}{2}$ верст. отъ станицы Варнинской, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ.

Во время проѣзда проф. Петри развалины представляли собой четырехугольное зданіе, съ надломленнымъ верхомъ, до 8 саж. въ высоту, съ двѣнадцатью гранной пирамидальной башней. (Ср. Болгарскія развалины).

Внутренность зданія—квадратъ до 8 шаговъ; потолокъ—куполообразный; въ центрѣ купола, въ деревянной втулкѣ, металлическое черное кольцо; въ каждомъ углу зданія—ниша съ красивымъ потолкомъ; отъ одной ниши къ другой проведенъ, въ основаніи, жолобъ съ отдушинами; дверь зданія обращена на югъ; одно окно обращено на востокъ, другое на западъ; полъ залитъ слоемъ извести; въ центрѣ развалины находится яма, видимо—могила; входъ въ башню былъ черезъ окно, сзади бруствера зданія, части фронтона. (Ср. Болгарскія развалины).

Внѣшній и внутренній осмотръ развалинъ выяснилъ проф. Петри, что въ развалинахъ хозяйничали кладоискатели, а равно и лица, которымъ нуженъ былъ даровой кирпичъ и камень. Тѣмъ не менѣе проф. Петри приступилъ къ раскопкамъ и нашелъ слѣдующее: теменную кость человѣческаго черепа, множество бараньихъ и лошадиныхъ костей, помѣченныхъ красной краской; небольшое количество угольевъ и обожженныхъ, но не человѣческихъ костей; лубокъ и доски, обрисовавшіе человѣческую фигуру, съ отверстиями для глазъ и для рта въ лубкѣ; женскій скелетъ длиной въ 2 арш. 6 вершки; на шеѣ скелета—куски шелковой ткани, при черепѣ скелета двѣ

золотыя серьги съ двумя жемчужинами и однимъ яхонтомъ; на ручныхъ пальцахъ—два золотые перстня съ украшеніями изъ золота же и небольшихъ камней, похожихъ на бирюзу; невдалекѣ отъ скелета найденъ еще черепъ и обломокъ небольшой деревянной палицы, окрашенный малиновой краской.

Проф. Петри предполагаетъ, что множество бараньихъ и лошадиныхъ костей, окрашенныхъ красной краской—это приношенія киргизовъ къ могилѣ святаго, которой, будто бы, погребенъ въ развалинахъ: подобными приношеніями киргизы отводятъ отъ себя болѣзнь на животныхъ; черепа—по признакамъ принадлежать къ монгольскому типу; деревянная палица напоминаетъ существующія нынѣ и употребляемая при охотѣ на волковъ; серьги, по сообщенію мѣстныхъ жителей, напоминаютъ калмыцкія, изъ высоко цѣнимыхъ этими инородцами.

По рисунку, приложенному къ статьѣ, серьги напоминаютъ большой знакъ вопроса, обращенный вправо, а перстень большой мужской перстень съ печатью.

Найденныя проф. Петри вещи переданы въ Россійскій Историческій музей.

Занимаясь изслѣдованіями въ Тургайской области, проф. Петри обратилъ вниманіе на возвышенную мѣстность, покрытую курганами, близъ озера Убалы-куль, въ Николаевскомъ уѣздѣ. Проф. Петри изслѣдоваль только три кургана и въ каждомъ нашель слѣды, что у обитавшаго здѣсь народа былъ обычай сжигать трупы. Слой древеснаго угля найденъ посрединѣ каждаго кургана. Въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ найдена каменная баба очень грубой отдѣлки. Кромѣ бабы, не смотря на тщательные поиски, ничего не найдено. Мелкіе курганы засыпаны камнями разнообразныхъ величинъ. Среди нихъ найдена другая каменная баба, лежавшая лицомъ внизъ, такой же грубой работы, какъ и первая баба. Проф. Петри находить, что лица бабъ—съ характерными монгольскими чертами и длинными усами.

II. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Апокрифическая кладовая выпись ¹⁾.

Да втомъ же коренномъ нашемъ амшеникѣ да на столу впереднимъ угле три круга чистаго ярого воску вкаждомъ вѣсу по десяти пудъ впервомъ кругу залиты вкрѣпкомъ сосудѣ на многие вразныхъ мѣстахъ кладовыя жѣ

¹⁾ Печатаемая здѣсь «выпись» доставлена обществу почетнымъ членомъ его В. Г. Мешериновымъ, который отыскалъ ее въ фамильныхъ бумагахъ. Языкъ «выписи», способъ датированія (отъ Рождества Христова), анахронизмы дѣлаютъ несомнѣннымъ, что она сфабрикована была не ранѣе XVIII в. и даже конца его, когда въ народное обращеніе проникли словечки въ родѣ «куратно» и т. п. По словамъ В. Н. Витевского, любезно предложившаго редакціи копію съ выписи, рукопись представляетъ собою свитокъ, имѣющей до пяти четвертей въ длину и немного болѣе четверти въ ширину. Почеркъ рукописи, напоминаетъ собою почеркъ конца XVII или начала XVIII вѣка,

поклажы подлинныя выписи писанныя рукою самая славной пореклу в рвары по отечеству Ильинишной а по прослытію желѣзнаго лоба бабы разбойницы кудеяровой родной большой сестры и брата ея кудеяра разбойника тутъ же есть три выписи бывшаго главнаго ихъ осаула степана разина по второмъ кругу всѣхъ поклажъ отъ кладовыхъ амшениковъ отъ ларцевъ и сундуковъ пять сотъ семьдесятъ четыре ключа и всякія квысокой и кразной надобности такожь и замочныя травы свещами тутъ же вкрѣпкомъ сосуде сильная и могучая вода которая взята кудеяромъ разбойникомъ вындейскомъ царстве и та вода велми пристойна всякимъ людемъ да и всякимъ человѣческимъ скорбемъ и недугомъ тако же впутяхъ івдорогахъ івовсякихъ нужныхъ случаяхъ целебна и кьчести и кирочему ковсему пристойна а втретьемъ кругу залиты вкрѣпкомъ же сосуде заговорныя и отговорныя книги и подлинныя по всѣмъ поклажамъ выписи и доводы а буде учинитца всѣмъ намъ отъ кого какая гибель или смертныи часъ или же какое другое главное несчастіе то сия выпись уже в секо нечно отъ положеннаго сего мѣста нами обратно невозмется а положена сия подлинная выпись в жестянкѣ простымъ дѣломъ рукою самой бабы разбойницы желѣзнаго лоба на той же поляне ереминой вдубе кряковисте да образъ ангела ея варвары Христовой мученицы и будетъ молитвамъ той христовой мученицы варвары сію выпись кого излюбя Богъ дарствуетъ тому искать во первыхъ тотъ главный нашъ коренной кладовой вѣликой амшеникъ на той поляни ереминой близъ желбатаго вяза по правую сторону куратно отмѣреть на востокъ ровно семь сажень три шага рыть вглубину да потолоку два аршина четвертью и придеть бѣлой тесанный камень то собравъ весь тотъ камень смотреть выхода подъ землю который выходъ выкладенъ самороднымъ краснымъ и зеленымъ камнемъ ктѣмъ выходомъ пришелъ ко дверемъ съ ярими зажженами свещами спростымъ серцемъ и притомъ же была бы тутъ сними неот-

съ преобладающимъ употребленіемъ омеги, или двойнаго ѿ, предъ простымъ с; встрѣчаются неупотребительныя теперъ формы творительнаго падежа именъ существительныхъ муж. рода на о мь. напр. «дѣломъ», окончанія глаголовъ въ 3 л. единств. и множ. числа на ть, напр. «будеть, дарствуетъ, придеть, изгибнуть» и т. п.; знаковъ препинанія въ рукописи вовсе не встрѣчается; съ боковъ рукописи проведены двѣ параллельныя черты: черная и красная; оборотная сторона рукописи пустая. Рукопись сохранилась не вполне: верхній лѣвый уголъ ея оторванъ по гипотенузѣ треугольника до начала строки 26 сверху. Чернила особенно въ началѣ рукописи, отъ времени значительно поблекли. Изъ того, что уцѣлѣло отъ начала свитка, видно, что здѣсь говорится о богатыхъ сокровищахъ, которыя были посланы отъ какого то Крымскаго хана въ Москву, къ царю Ивану Васильевичу (Грозному). Сокровища эти состояли изъ тринадцати бочекъ съ золотомъ; каждая бочка мѣроу 4 аршина въ длину и 2 аршина въ ширину; на каждой бочкѣ по тридцати желѣзныхъ обручей. Кромѣ «золстой казны», въ большихъ дубовыхъ сундукахъ, окованныхъ желѣзомъ, много царской посуды, платья, жемчугу и другихъ «преудивительныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ, да тутъ же въ золотомъ ларцѣ залиты чистымъ яримъ воскомъ самосвѣтныя камни».

мѣнно баба по имени варвара а у тѣхъ у дверей внутри амшеника стоитъ превеликая пушка заряжена злымъ дѣломъ и по приходе до дверей троическую Іисусову молитву а потомъ и всѣмъ рядомъ кто тутъ бывъ прилучится говорить единогласно во имя отца и сына и святого духа аминь аминь аминь да той же бабѣ варварѣ тѣ двери троекратно окропить святою водою непитую и говорить ей и снѣю всѣмъ единогласно благодать святого духа да будетъ со всѣми нами и наднами всегда ныне и присно іовѣки вѣковъ аминь аминь аминь и потомъ же говорить тако заклинаемъ ты диявола люцыператы князя града ада геенскаго и всѣхъ стобою злыхъ нечистыхъ диаволскихъ духовъ живымъ своимъ истиннымъ Богомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ сыномъ Божиимъ и сыномъ Маринымъ а лею а амею отъ сего часа и минуты да изыди отъ сего мѣста и со всѣми своими нечистыми духи невидимо нами рабами божіими (имрѣками) на сухъ лѣсъ на желтые пески синяго моря акіяна аминь аминь аминь и потомъ всѣмъ вдрукъ смолитвою дунуть вдвери то втотъ же часъ и минутою благодатию тою святого духа растворятся и потомъ итить всѣмъ смѣло вамшеникъ за бабою варварою безвсякаго сумнительства со исусовою жъ молитвою честно тихо и кротко безробысти и брать втой добрый часъ все то положенное сокровище а безбабы варвары того сокровища отнюдь никому не найтить и никакими невзять івзять то безчисленное и безцѣнное сокровище чтобъ вѣкъ незабытно поминать многогрѣшныхъ рабовъ божіихъ варвару кудеяра и степана и потомъ уже гдѣнисть протчай поклажи то всѣ сами почестъ тѣмъ людемъ подлинныи виды и доводы покажутъ а знающихъ хитрыхъ людей кроже просто сердечныхъ при взятъе той поклажи чтобы отнюдь не было а ежели хоша при томъ таковымъ тутъ быть случитца то всѣ вскорѣ изгибнуть конечно злою смертію писана отъ рождества Христова 1673 года мѣсяца декаврия во 3 день при семь же втой вѣрности своеручно подписуюсь я многогрѣшная раба разбойница варвара желѣзный лобъ»

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Изъ быта мордвы села Живайкина Жадовской волости, Карсунскаго у. Симбирской губ.

*М*ордва изслѣдуемаго села называетъ себя «эрзя». Село это по мордовски называется: «Живай-веле». Отдѣльныя улицы, концы или курмыши, изъ которыхъ состоитъ оно, по мордовски называются: ташто-веле, одъ-веле, рузнь-пе и вешконь-пе.

Отдѣльныя части женскаго костюма по мордовски назыв.: рутся, котова панарь, а отдѣльные узоры, которыми вышиваются женскія рубашки, назыв.: лангартъ, судямнеть, суркскеть, крестнеть и кувалмоть. Въ селѣ Живайкинѣ, кромѣ мордвы, есть и другіе инородцы—чуваши; но другъ у дружки ничего не заимствуютъ изъ женскихъ принадлежностей одежды и украшенія, а заимствуютъ, какъ мордва, такъ и чуваши у русскихъ.

Воспоминанія о времени, когда мальчика лѣтъ 8—12 женили на взрослой дѣвицѣ, сохранилось и донинѣ; но пѣсенъ на этотъ счетъ не сохранилось и не держится обычай, чтобы невѣста была старше жениха, а напротивъ помоложе. Дѣвочки начинаютъ водить игрища и посидѣнки и заводятъ себѣ «дружковъ» съ 16 лѣтъ. Когда сходятся парень и дѣвушка, обращается строгое вниманіе и на 4-ю степень родства. Дѣти, прижитыя дочерью какого нибудь человѣка до замужества, называются: «питси палакъсь потмонь». Зять, принятой въ домъ называется: кудось совавтонь содамо, фамилію своего тещи не принимаетъ.

Когда больной начинаетъ умирать, то подушки и постель его убираютъ; мѣсто, гдѣ лежалъ умершій посыпаютъ золой; въ то мѣсто, гдѣ лежалъ умершій, втыкаютъ косарь или ножъ; чертятъ около умершаго ножемъ, водятъ по шеѣ, груди и по ногамъ умершаго. Когда выносятъ покойнаго изъ дома, окропляютъ съ вѣника избу и просятъ его, чтобы онъ далъ оставшимся долгую жизнь; затѣмъ за воротами останавливаются съ гробомъ и зовутъ раніе умершихъ родственниковъ встрѣчать покойника. Въ старину рыли могилы такой же глубины, какъ въ настоящее время роютъ, и бросали туда денегъ; оборачиваютъ и оборачивали головой покойника на западъ. Могильная яма и насыпь назыв. по мордовски: қалмо и қалмоланго. Скоропостижно умершимъ и опойцамъ мордва приписываетъ бездождіе. Въ старину кладбища устраивались на ровномъ мѣстѣ и на этихъ кладбищахъ стояли молебныя березы. Въ старину были общія поминальныя моленія и устраивались передъ Троицей, Казанской и масляницей. Во время моленій съ поминающихъ брали қолыца, бисеръ и вѣшали ихъ на проволоку или на нитку на молебныя березы. Кладбище по мордовски называется қалмазырь. Нѣкоторыя болѣзни и несчастія мордва приписываетъ гнѣву покойниковъ, а умиловивляютъ ихъ такъ: ходятъ ночью на могилу старики и старухи на поминки. Приглашающіе приносятъ съ собой пици, браги и откладываютъ умершему отъ каждаго приношенія. Если кто-нибудь нечаянно дотронется до щепъ отъ гроба умершаго, то молятся, чтобы избавить того человѣка отъ притки. Разказовъ о томъ, кто видалъ Вель-аву много; говорятъ, въ каждой рѣчкѣ есть своя Вель-ава и Вель-атя, и многіе были у нихъ въ гостяхъ. Мельники, когда устраиваютъ мельницу, бросаютъ въ воду животныхъ и обѣщаютъ Вель-авѣ человѣческую голову; потомъ въ рѣчкѣ будто-бы оказывается утопленникъ, а также бросаютъ въ воду чью-нибудь украденную шапку и говорятъ: «вотъ тебѣ человѣческая голова». Бабы, которыя не родятъ, ходятъ на рѣчку прощатся и говорятъ: «Вель-ава, матушка, прости меня, быть можетъ я тебя обидѣла и поэтому не рожу дѣтей». Мѣстная мордва говоритъ, что Вель-ава воруетъ новорожденныхъ дѣтей; бываютъ отъ Вель-авы «притки» и ходятъ къ ней больные съ подарками прощаться. Въ старину Вель-авѣ бывали особые моляны, куда собирались мужчины и женщины, молодые и старые. На этихъ молянахъ молились Вель-авѣ и просили её послать дождикъ, ростъ хлѣбу, дать людямъ дѣтей (это дѣлалось ночью). Дѣвушки, желающія выйдти замужъ, или парни, желавшіе жениться, бросали въ воду вѣнокъ. Въ каждомъ большомъ лѣсу живутъ своя Вирь-ава и Вирь-атя. У Вирь-авы есть дѣти и многіе ви-

дѣли ихъ, а живутъ они вездѣ. Въ старину Вирь-авы людей, которые попадались къ нимъ, щекотили и даже съѣдали; также рассказываютъ, что Вирь-авы приходили къ бабамъ повитухой; носили ей въ лѣсъ яицъ, блиновъ, чтобы она не хватала ихъ ребятъ, когда придутъ за грибами, за ягодами. Бабы, у которыхъ не родились дѣти, посылали въ лѣсъ Вирь-авѣ подарковъ. Она ловила въ лѣсу лошадей и ѣдила на ихъ. Варм-ава есть вѣтряная старушка. Когда начинается сильный вихрь, то просятъ Варм-аву, чтобы она остановила его. Когда въ вихрь, который крутитъ пыль, бросаютъ ножъ, вихрь перестаетъ. Когда вѣтеръ дуетъ тихо и слышится тихій свистъ, говорятъ: Варм-ава дѣтей зоветъ. Бросаютъ въ вѣтеръ яйцо болтуна и просятъ Варм-аву побережъ ихъ отъ огня; а во время пожара Варм-авѣ бросаютъ первое яблоко, сорванное въ Преображенъе, чтобы она воротилась. Рассказываютъ, что вихрь захватываетъ и уноситъ людей, особенно женщинъ; говорятъ, что не хорошо кормить скотину сѣномъ, которое разметаетъ вихрь, шить рубашки изъ холста, который приподняло вѣтромъ (хворь будетъ). Мѣстная мордва поминаетъ Пакся-аву (полевую старуху) и говорятъ, что у каждой деревни въ полѣ живетъ своя; рассказываютъ также, что Пакся-ава бережетъ поле отъ чужой Пакся-авы, и бываютъ между ними драки; когда чужая одолеваетъ, въ полѣ бываетъ неурожай. Жнецы передъ началомъ жатвы и когда садятся обѣдать, зовутъ съ собой ѣсть Кузьму-Демьяна. Когда начинаютъ пахать, зарываютъ въ землю яйцо и просфору.

Хозяева пчельниковъ поминаютъ: «Нешке-паза». Въ каждомъ пчельникѣ есть свой Нешке-пазъ и живетъ онъ въ одномъ изъ ульевъ. Когда ломаютъ медъ, наливаютъ чашечку сыты, ставятъ около пенекъ и зовутъ его попить. Домового и домовую называютъ Юртонь-кирды, а живетъ онъ подъ печкой. При переходѣ въ новый домъ хозяинъ ходитъ ночью на старое жилье и зоветъ Юртонь-кирди съ собой въ новый домъ, сло ами «юртонь-кирди юрт-ава, юртонь-кирди юртъ-атя, пойдемъ съ нами въ новый домъ». Есть повѣрье, когда на крышѣ дерутся кошки что это не кошки дерутся, а свой домовый съ чужимъ. Сынъ, который отходитъ, отдѣляется отъ отца и заводитъ свое хозяйство, зоветъ этого же домового. Человѣкъ, который отдѣляется, призывая въ свой новый домъ домового, говоритъ: «дѣдушка домовый, не оставь насъ, пойдемъ съ нами жить: хочешь на лошади, хочешь пѣшкомъ». Были моляны (у чувашъ и въ настоящее время) подъ названіемъ кереметь, на которыхъ молились Мастыръ-пазу. Молянъ такой устраивался въ лѣсу; посреди него стоялъ столъ. Въ старину были особня молитвенныя рощи, загороженныя заборами. Велень-пазъ есть нѣчто въ родѣ домового.

Въ селѣ Живайкинѣ три народности: русскіе, мордва и чуваши—съ инородческимъ большинствомъ. Между этими жителями русскій языкъ распространенъ въ хорошей степени и говорятъ на немъ всѣ и мужчины, и женщины, даже семилѣтніе ребятишки. Говорятъ довольно хорошо—правильно и охотно. На своемъ родномъ языкѣ говорятъ очень рѣдко и пришлось только встрѣтить нѣсколько женщинъ, остальные совсѣмъ обрусѣли. Старухи напр. говорятъ: отецъ—тетяй, мать—авай, помоложе—тятѣкъ, мамокъ и т. д. Учениковъ я никогда не слыхивалъ, чтобы говорили на своемъ родномъ языкѣ.

Нынѣшнія дѣвушки и женщины не знаютъ даже, какъ поются мордовскія пѣсни. Вышеупомянутыя женщины, во время бесѣдъ съ нами, говорили, что нынѣшній народъ все болѣе и болѣе русѣетъ и замѣчается это въ томъ, что всѣ одѣваются по русски, говорятъ по русски и старинныхъ обрядовъ не исполняютъ. Иностранцы съ русскими въ хорошихъ отношеніяхъ. Праздники, какъ у иностранцевъ, такъ и у русскихъ бываютъ въ одно время, и гуляютъ вмѣстѣ. Русская молодежь допускается на иностранскія игрища и наоборотъ иностранскіе парни на русскія. Мордва берутъ невѣсты у русскихъ и русскіе у мордвовъ, а у чувашъ ни мордва, ни русскіе не берутъ и не отдаютъ. Въ волостныхъ сходахъ въ смѣшанныхъ волостяхъ—рѣшаются дѣла вообще по числу голосовъ (при этомъ бываетъ, что нѣкоторые мордва и русскіе заодно на остальную сторону). Въ волостные судьи и старшины избираются безразлично и мордва, и русскіе, и чуваши. Живетъ каждая народность особю, занимаетъ особый конецъ. Дѣти и молодежь обѣихъ сторонъ собираются на общія игры и говорятъ на русскомъ языкѣ. А равно и на посидѣнкахъ господствуетъ русскій языкъ и русскія пѣсни. Переговоры на мирскихъ сходахъ идутъ на русскомъ языкѣ. Языкъ обрусѣвшихъ иностранцевъ отъ языка чисто-русскаго населенія отличается; грубѣе говорятъ. Изъ костюма мордву выдаютъ особыя мордовскіе лапти.

Ф. Бутузевъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма изъ Гельсингфорса.

II.

Сегодня на годичномъ собраніи Финно-Угорскаго общества доложено, что извѣстный датскій ученый проф. В. Томсенъ дешифровалъ бывшія до сихъ поръ загадкой Орхонскія и Енисейскія надписи и установилъ, что они сдѣланы на языкѣ тюркской группы. Въ «Mèmoires» Финно-Угорскаго общества будетъ помѣщенъ доставленный Томсенемъ переводъ надписей. Подробности относительно своего открытія проф. Томсенъ предполагаетъ сообщить въ засѣданіи датскаго научнаго общества 15 декабря. Постараюсь познакомить съ ними читателей «Извѣстій», какъ только у насъ будутъ получены свѣдѣнія изъ Копенгагена.

Гельсингфорсъ. 2 дек. 1893.

Т. Вихманъ.

Письмо изъ Красноярска. (Архивный вопросъ).

Слишкомъ годъ тому назадъ въ Красноярскѣ въ Енисейск. губерн. статистическомъ комитетѣ возникъ вопросъ объ учрежденіи Енисейск. архивной комиссіи. Возникъ этотъ вопросъ послѣ того, какъ въ комитетъ поступило изъ архивовъ мѣстныхъ правительственныхъ учреждений нѣсколько описей дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ описей и нѣкоторыхъ дѣлъ членами комитета вызвало у послѣднихъ желаніе возбудить ходатайство объ открытіи въ Красноярскѣ архивной комиссіи. Желаніе это, какъ нельзя болѣе, совпадало съ интересами исторической науки. Дѣло въ томъ, что безпощадное уничтоженіе архивныхъ дѣлъ въ Сибири то пожарами, то путемъ продажи торговцамъ, слишкомъ опустошило мѣстные архивы и, конечно, лишило историческую науку цѣнныхъ данныхъ. Достаточно напомнить, что еще въ 1880 году сохранялся въ Красноярскѣ весьма важный архивъ съ документами XVII вѣка, но, благодаря небрежности при выборѣ помѣщенія для этого архива, онъ былъ совершенно уничтоженъ пожаромъ въ 1881 г. А между тѣмъ здѣсь были документы, написанные на березовой корѣ, что практиковалось въ Сибири въ XVII вѣкѣ нерѣдко за

неимѣнемъ бумаги. И до настоящаго времени еще сохранились документы въ нѣсколькихъ архивахъ Енисейской губерніи со второй половины XVIII вѣка, а съ начала XIX в. матеріаловъ сохранилось весьма много.

Такимъ образомъ, всѣ данныя говорили за необходимость учрежденія въ Красноярскѣ архивной комиссіи. Вотъ почему, послѣ обсужденія этого вопроса въ январѣ прошлаго года на засѣданіи Енисейск. Губерн. Стат. Комитета г. начальникъ губерніи Л. К. Теляковскій выразилъ свое согласіе ходатайствовать въ Петербургѣ о разрѣшеніи открыть въ Красноярскѣ архивную комиссію.

Послано было ходатайство въ Археологическій Институтъ. Отвѣтъ былъ полученъ въ сентябрѣ прошлаго года. Директоръ Археологическаго Института кн. А. Н. Труворовъ изъявилъ согласіе на открытіе Енисейской Архивной Комиссіи, но съ условіемъ, что открытіе ея можетъ послѣдовать не прежде, чѣмъ будетъ найдено въ Красноярскѣ подходящее помѣщеніе для архива и историческаго музея, а также средства для перевозки архивныхъ дѣлъ, изданія трудовъ архивной комиссіи и для другихъ ея потребностей. Въ виду этого въ статистическомъ комитетѣ было постановлено обратиться въ городскія думы Енисейской губерніи съ просьбою дать средства архивной комиссіи.

Пока получился отвѣтъ изъ Енисейска; отвѣтъ отрицательный. По всей вѣроятности, и отъ другихъ городскихъ думъ получатся такіе-же отвѣты. Расчитывать на матеріальную поддержку архивной комиссіи со стороны частныхъ лицъ трудно. Правда въ Красноярскѣ есть не мало людей очень богатыхъ, но о желаніи ихъ помочь средствами архивной комиссіи ничего не слышно.

Между тѣмъ количество архивныхъ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, въ архивахъ мѣстныхъ правительственныхъ учреждений увеличивается очень быстро. Въ засѣданіи Енис. Губ. Стат. Комитета 17 февраля т. г. было сообщено, что въ комитетъ снова поступили описи съ перечисленіемъ 50,000 дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію. Положимъ, что за немногими исключениями, дѣла эти относятся къ XIX вѣку. Но и эти дѣла, если своевременно не позаботиться о тщательной разборкѣ и сохраненіи ихъ, могутъ быстро погибнуть. Вотъ почему до открытія архивной комиссіи нѣкоторые изъ членовъ Енисейск. губ. стат. комитета пожелали взять описи архивныхъ дѣлъ, чтобы по этимъ описямъ отмѣтить дѣла, интересныя въ научномъ отношеніи и потому заслуживающія сохраненія. Конечно, при подобномъ пересмотрѣ описей весьма возможно ожидать многихъ ошибокъ: архивныя описи составлены писарями крайне не точно, и узнать по описи—нужно-ли извѣстное дѣло оставить или нѣтъ—очень трудно; самыя же дѣла разбросаны въ разныхъ пунктахъ, отстоящихъ отъ Красноярска на 300 и болѣе верстъ.

Позаботиться о перевозкѣ этихъ дѣлъ въ Красноярскъ и научной, согласной съ теоріей архивовѣдѣнія, разборкѣ ихъ могла-бы Енисейская архивная комиссія. Но на открытіе этой комиссіи, кажется, мало надежды. А жаль: нашлось-бы въ Красноярскѣ и вполне подходящее помѣщеніе для историческаго архива, были-бы и работники въ комиссіи.

Красноярскъ. 1893 г. мая 20-го.

Н. Бакай.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы по археологiи Россiи, издаваемые Императорской Археологической Коммиссіей. № 11. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губерніи. В. Н. Ястребова. Спб. 1893.

Лядинскій могильникъ былъ обнаруженъ въ 1869 г. Первыя свѣдѣнія о немъ сообщилъ Аспелинъ въ своихъ «Antiquités du Nord Finno-ougrien». Г. Ястребовъ произвелъ въ 1887 г. по порученію И. А. Коммиссіи его раскопку и въ названномъ выпускѣ «Матеріаловъ» знакомитъ насъ съ результатами своего изслѣдованія. Основными задачами этого послѣдняго онъ поставилъ опредѣленіе времени и народности, къ которымъ относится могильникъ; въ соображенія по существу — объ образѣ жизни оставившей могильникъ народности, объ ея торговыхъ отношеніяхъ онъ не входитъ; потому-ли, что считаетъ эти вопросы лишними въ археологическомъ изслѣдованіи, потому-ли, что за недостаткомъ данныхъ не рѣшается на рискованныя заключенія — это остается невыясненнымъ. Оцѣнивая трудъ г. Ястребова, мы конечно, будемъ имѣть въ виду только то, что онъ намъ предлагаетъ и не будемъ упрекать его за то, что онъ поставилъ себя въ узкія рамки.

Наше первое замѣчаніе будетъ касаться внѣшней стороны изданія — отношенія атласа къ тексту. Читать изслѣдованіе г. Ястребова, обращаясь постоянно къ таблицамъ, дѣло не легкое. Таблицы были составлены и, видимо, отпечатаны раньше текста; въ распредѣленіи предметовъ нѣтъ никакой системы; изслѣдователь, очевидно, руководствовался однимъ стремленіемъ — расположить предметы по красивѣе и посимметричнѣе; предметы извѣстной категоріи, напр. бляшки, фигурируютъ на таблицахъ III, VI VII, VIII, IX въ перемежку съ другими. Текстъ составлялся, видимо, позднѣе и его расположеніе совершенно не зависитъ отъ таблицъ да и не могло зависѣть, потому что описывая предметы въ томъ порядкѣ, въ которомъ они изображены на таблицахъ, авторъ не могъ дать ничего даже отдаленнымъ образомъ похожаго на «изслѣдованіе».

Это несоотвѣтствіе между текстомъ и таблицами не выгодно и для читателя и для автора: читатель вынужденъ каждую минуту безжалостно вертѣть таблицы прекрасно изданнаго атласа, авторъ не имѣетъ возможности

закрѣпить въ сознаниі читателя тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ говоритъ о предметахъ, напр. о тѣхъ-же бляшкахъ—въ извѣстномъ порядкѣ. Чтобы уяснить себѣ его систему, приходится вырвать изъ книги всѣ таблицы, разложить ихъ передъ собой и постоянно перебѣгать глазами съ одной на другую.—Обращаемся къ содержанію труда г. Ястребова. Стр. 1—18 посвящены изложенію обстоятельствъ, при которыхъ были обнаружены изслѣдуемые вещи. Авторъ отмѣчаетъ два обнаруженныхъ его раскопками типа погребенія—собственно погребеніе и трупосоженіе. Первое было обнаружено въ 127 могилахъ изъ 143, послѣднее въ 16. Въ наиболѣе сохранившихся могилахъ перваго рода ($\frac{1}{5}$ всего количества) скелеты лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами, по большей части головой къ Ю., ногами къ С., на вискѣ (чаще лѣвомъ), съ вытянутыми или пригнутыми къ груди руками; во многихъ могилахъ обнаружены слѣды лубка иногда съ березовой корой (въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ всѣмъ скелетомъ и сверхъ него цѣльными длинными полосами); однажды былъ найденъ въ могилѣ скелетъ небольшой лошади. Въ 12 могилахъ съ полнымъ трупосоженіемъ жженныя кости въ видѣ мелкихъ кусковъ вмѣстѣ съ пепломъ лежали слоємъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 вершка толщины; вмѣстѣ съ ними замѣчались черепки глиняной посуды и—въ безпорядочной обыкновенно кучѣ—разныя вещи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сверхъ костей или подъ ними замѣчались довольно большіе остатки ткани; на металлическихъ вещахъ никакихъ случаевъ порчи отъ огня не замѣчалось». Въ виду почти полного отсутствія въ могилахъ угля и дерева г. Ястребовъ предполагаетъ, что умершій сожигался внѣ могилы.

Отношеніе одного погребальнаго обряда къ другому авторъ представляетъ несомнѣнно ясно: «наряду съ совершеннымъ соженіемъ покойника допускалось и не полное и это обстоятельство намекаетъ на то, что обрядъ трупосоженія въ эпоху существованія могильника не былъ устойчивъ и самостоятеленъ». Текстъ г. Ястребова не даетъ намъ возможности понять, что хотѣлъ онъ сказать: считаетъ ли онъ могилы съ трупосоженіемъ памятникомъ особой народности или видитъ въ трупосоженіи обрядъ, практиковавшійся однимъ и тѣмъ-же народомъ на ряду съ погребеніемъ. Существенное значеніе въ этомъ вопросѣ можетъ имѣть обстоятельство, отмѣчаемое авторомъ нѣсколько ниже: по характеру находимыхъ въ нихъ вещей могилы съ трупосоженіемъ не отличаются отъ могилъ съ погребеніемъ.

Самый обширный отдѣлъ книги г. Ястребова посвященъ «обозрѣнію древностей со стороны формы». Указывая «болѣе или менѣе сходные типы въ древностяхъ другихъ мѣстъ Россіи и отчасти З. Европы», авторъ думаетъ «прийти къ опредѣленію мѣста, которое принадлежитъ лядинскимъ древностямъ среди другихъ, ставшихъ ранѣе ихъ извѣстными».

Внимательно и не разъ перечитавши этотъ отдѣлъ и слѣдующія за нимъ заключенія, мы не нашли тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело г. Ястребова сопоставленіе лядинскихъ древностей съ другими.

Аналогій оказывается масса; ихъ можно искать и на востокѣ Россіи—въ древностяхъ Сарая и Булгаріи, въ Вятской и Пермской губерніяхъ—и въ

средней Россіи—въ губерніяхъ Рязанской, Владимірской, Костромской, Ярославской—и на западъ—въ губерніяхъ Смоленской, Витебской, Прибалтійскомъ краѣ, въ Финляндіи—и на Ю. В. на Кавказѣ и наконецъ за предѣлами Россіи въ Даніи, Швейцаріи, Греціи, Египтѣ. На разысканіе этихъ аналогій авторъ потратилъ не мало труда, но онъ остановился на половинѣ дороги: чтобы опредѣлить мѣсто лядинскихъ древностей, нужно было продѣлать еще одну работу: 1) выдѣлить районы наибольшаго тяготѣнія лядинскихъ древностей; такимъ образомъ авторъ могъ-бы подойти къ опредѣленію группы, въ составъ которой входила народность, оставившая лядинскій могильникъ.

На выполненіе этой работы потребовалось-бы уже не много времени и труда: стоитъ раза два—три пересмотрѣть въ роѣ отдѣлъ книги г. Ястребова, чтобы намѣтить тѣ районы, къ которымъ тяготеютъ лядинскія древности. Въ ближайшемъ родствѣ онѣ оказываются съ древностями Моршанскаго и Шацкого у.у. Тамбовской губ., Касимовскаго Рязанской и Муромскаго Владимірской (линія Цна-Мокша-Ока): на всемъ этомъ протяженіи встрѣчаются одинаковыя гривны и шейныя кольца, ажурныя пряжки въ видѣ кольца, фибулы съ разомкнутыми концами (т. VIII, р. 1, 3, 4, 8), пряжки въ видѣ бляхи (т. V, р. 1, 2, 4, 7), бронзовыя трубочки (т. I, р. 5, 7; т. IV, р. 8), спиральныя привѣски (т. III, р. 27—29), пластинки, расширяющіяся къ низу, съ ушками и цилиндрическими привѣсками (т. I, р. 9, 10, 12, 13), бронзовые спиральныя браслеты (т. IV, р. 6, 9), браслеты въ видѣ обручицковъ (т. II, р. 1, 3, 6)—т. е. всѣ главнѣйшія принадлежности женскаго костюма. За этимъ райономъ тѣснѣйшаго соприкосновенія лядинскихъ древностей съ древностями остальной Россіи слѣдуетъ болѣе широкой, въ который входятъ болѣе или менѣе сходныя древности западныхъ губерній Россіи: Витебской и Лифляндской (головныя вѣнчики, гривны и спиральныя браслеты и кольца браслеты изъ бронзоваго обода съ петлей, кольца въ видѣ кокошника, четырехъугольныя бляшки съ крестомъ, ткань; таб. XI, р. 7), Курляндской (гривны, спиральныя браслеты и кольца), Могилевской (шейное кольцо), Смоленской (литыя бронзовыя украшенія съ конскими головками и привѣски въ видѣ полумѣсяца, бляшки съ крестомъ), С.-Петербуржской (тоже бляшки съ продолговатыми четырехъугольными привѣсками, бронзовыя ведра и грушевидныя бубенчики), Эстляндіи (бронзовые шарообразныя бубенчики, кольца въ видѣ кокошника), Новгородской (грушевидныя бубенчики), Финляндіи (спиральныя браслеты и кольца, кольца въ видѣ кокошника, бронзовыя ведра), Гродненской (спиральныя кольца). За предѣлами этого райсна аналогіи оказываются—хотя въ меньшемъ количествѣ—на Кавказѣ въ могильникахъ Осетіи и въ Волжской Булгаріи.

Сопоставляя эти результаты, г. Ястребовъ могъ-бы придти къ заключенію, что Лядинскій могильникъ принадлежитъ народу, стоявшему въ ближайшемъ родствѣ съ древнимъ населеніемъ Рязанской и частію Владимірской губерній и находившемуся въ сферѣ торговаго вліянія племени, которое населяло губерніи Витебскую, Гродненскую, Лифляндію, Курляндію,—т. е. древнихъ Литовцевъ. Племенемъ, которое въ своемъ прошломъ наиболѣе подходитъ къ этимъ признакамъ, является та самая Мордва, къ правамъ

когрой на Лядинскій могильникъ такъ скептически относится г. Ястребовъ. Мордва изъ всѣхъ народовъ волжскаго бассейна выдѣляется своимъ культурнымъ тяготѣніемъ къ литовскому племени: въ то время, какъ черемисы и вотяки подчинялись вліянію тюрковъ-болгаръ, она отъ литовцевъ заимствовала важнѣйшіе элементы своей культуры. Въ пользу мордовскаго происхожденія древностей Лядинскаго могильника говоритъ и родство нѣкоторыхъ формъ и пріемовъ ихъ фабрикаціи съ формами до сихъ поръ употребляемыхъ мордвою украшеній и пріемами ихъ фабрикаціи. Укажемъ для примѣра на грудное украшеніе, представленное на таб. III, фиг. 32 и на фибулы таб. VIII (1, 2, 3 и др.). Тожественное по формѣ мокшанское грудное украшеніе находится въ мѣстномъ Музеѣ Отечествадѣнія; что касается фибулъ, то онѣ несомнѣнно являются прототипами нынѣшнихъ мордовскихъ «шурька». Обычное въ лядинскихъ древностяхъ прикрѣпленіе различныхъ подвѣсокъ при помощи завитой спиралью проволоки до сихъ поръ имѣетъ мѣсто на мордовскихъ «шурькахъ», «сюльгамахъ» и «сустугахъ».

Вопросъ о времени, къ которому принадлежитъ могильникъ, разработавъ г. Ястребовымъ гораздо тщательнѣе. Тутъ онъ допускаетъ даже нѣкоторыя излишества. Не довольствуясь такими ясными показаніями, какъ арабская надпись XI—XIV в. на бронзовомъ ведрѣ, имитациі арабскихъ диргемовъ VIII и IX в.в., тождество нѣкоторыхъ предметовъ съ предметами найденными въ другихъ губерніяхъ совмѣстно съ монетами X в., г. Ястребовъ обращается къ показаніямъ, которыя могутъ дать формы предметовъ и мотивы орнамента, хотя самъ сознаетъ, что въ данномъ случаѣ это пріемъ ненадежный. «Мы указали для предметовъ лядинскаго могильника рядъ болѣе или менѣе близкихъ аналогій изъ самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная съ классической и кончая современной намъ и пытались по возможности указать смысловое соотношеніе формъ; указать формы первичныя и производныя. Но логическая послѣдовательность не всегда совпадаетъ съ послѣдовательностью времени; намъ приходилось отмѣчать формы первичныя и производныя вмѣстѣ, бокъ о бокъ; такое одновременное ихъ существованіе обуславливались съ одной стороны чрезвычайной живучестью художественно-промышленныхъ формъ, съ другой — особенностями употребленія вещей и различіемъ въ матеріальномъ достаткѣ потребителей. Такимъ образомъ для хронологіи могильника не могутъ годиться аналогіи съ вещами, которыя не представляютъ полнаго сходства или тождества съ изучаемыми»... Въ этой тирадѣ вполне ясно только послѣднее положеніе: аналогіи не полныя не годятся для опредѣленія времени, къ которому относятся извѣстныя древности. Совершенно соглашаясь съ авторомъ на этотъ счетъ, мы можемъ прибавить, что прибѣгать къ ихъ помощи и надобности нѣтъ; къ чему осложнять дѣло пріемами, которые умѣстны въ изслѣдованіи памятниковъ палеолитической эпохи, когда имѣются совершенно ясныя хронологическія указанія.

В. Смирновъ.

UMPA 1107 8218/145
PK 1132
AC 10916
PK1832M17

